

Мы умрем вместе

Однажды в Хартланде жила шамани Сабадель. Была она в большом почете и уважении — все любили эту стройную львицу, всю в пятнах, с необычно черными ушами и огромной кисточкой на хвосте. И недаром — Сабадель была превосходной целительницей, львицей с чутким и добрым сердцем, и рядом с нею каждому было легко и покойно. Правда, нельзя сказать, что она была сильной шамани; впрочем, Сабадель не желала высот, нет, она лишь отдавала жизнь прайду. Ее не слишком интересовали достижения собственного духа, а больше тревожили болезни и невзгоды других.

У Сабадель была ученица, юное жизнерадостное создание. Она подавала большие надежды, наставница гордилась ею, но та трагически погибла на первой охоте. Хозяйка охоты, которая впервые вывела Энреллу на главную тропу в жизни львицы, никогда больше не возглавляла охотничьи группы, хотя никакой вины за нею не имелось. Это оказалось невыразимой утратой для наставницы-шамани; оставалось только плакать бесконечными ночами. Сабадель не могла уснуть, и даже любимый лев Висмар не мог никак ее утешить. Впрочем, прошло время, которое медленно, но верно стирает воспоминания, да и всё остальное тоже... У Сабадель так и не появилось ни учеников, ни учениц; но она всё так же была преданна прайду.

В это время в Хартланде, главном прайде Союза, правил конунг Валлар. Он имел двух сыновей. Младшего звали Наксар, старшего — Талса. Правление Союзом он собирался, как это полагалось, передать старшему сыну. Но случилось так: когда сыновья подросли, Валлар понял, что лучше отдать правление младшему. У Талсы были лидерские качества, но на фоне Наксара они меркли. Наксар был сильным, волевым, полностью отдавался делам прайда, никогда не впадал в хандру и уныние, и вообще был крайне приспособлен к жизни. Талса же вырос более спокойным, но обладал смелостью и острым умом, любил рассуждать об абстрактных вещах, иногда предавался меланхолии и жил какой-то своей, непонятной жизнью. Наксар напротив, имел вполне житейский ум, прагматичный и целеустремленный.

В общем, Валлару приходилось выбирать между хорошим и очень хорошим.

Когда у сыновей появилась грива, Валлар сделал свой окончательный, необычный выбор, такой неожиданный для его львицы Шиланы, а потом и для всего Хартланда и Союза. Конунг всячески убеждал ее в том, что нужно сделать наследником Наксара. Шилана долго сопротивлялась, не понимая, почему всё обстоит именно таким образом; она понимала, что это чревато проблемами. В конце концов, Валлар рассказал, что на самом деле его тревожит.

А он исходил не только из практических соображений. Вряд ли он бы вообще задумывался, кого сделать наследником, но один случай предрешил многое. При рождении Талсы шамани Анира, наставница Сабадель, и первая львица, которую увидел совсем маленький сын конунга, неожиданно сказала Валлару, сразу после его появления на свет:

— Мой конунг, а Талса править не будет... — задумчиво покачала Анира головой, сощурившись и смотря куда-то в сторону.

— Это почему?! — удивленно и недоверчиво спросил он.

— Не знаю... Пророчества не наша стезя, но, честное слово, именно это я ощутила, когда его увидела. У него будет иная судьба.

— Какая же?

— Не знаю.

— Он будет плохим правителем? — обеспокоился Валлар.

— Нет, он вообще им не станет, — с абсолютной уверенностью молвила шамани. — Мой конунг, ему точно не стоит править. Я чувствую иную судьбу, но какую именно, понятия не имею, — она закрыла глаза.

Это сильно вошло в память, хотя Анира никогда больше не говорила об этом, потому как ей нечего было добавить. Валлар много ходил кругами, раздумывая. У него есть две дочери и сын. Но сын править не будет! «Что за ерунда?», — лихорадочно думал он. Конунг привык прислушиваться к словам Аниры, ибо она никогда не подводила. Проблема требовала решения, и Валлар нашел его. Правда, для того, чтобы воплотить решение, требовалась помощь Шиланы.

— Но Валлари, милый, зачем такая спешка? Да и я еще не вполне готова. Может, подождем немного?

Но конунг, понятно, и слышать не хотел возражений. А потому через шесть лун у него снова появились дочь и сын. Младшего сына назвали Наксаром.

Шилана не знала о пророчестве шамани, и, когда тайна стала известной, долго упрекала Валлара за такое долгое молчание.

— Но ты ж посмотри, так и есть! — решительно махал конунг лапой. — Наксар будет отличным конунгом, а Талса — отличным помощником. Я уже это вижу, да ты на характеры посмотри!

Шилана отрицательно качала головой:

— Я очень боюсь, что это посорит их.

Жаль, они не могли спросить совета у Аниры, которую, когда сыновья еще были маленькими, в одно прекрасное утро попросту не смогли найти. Она пропала. Впрочем, это случалось с шамани; а потому, после безуспешных поисков, все дела перешли к Сабадель. Как ее ни расспрашивали, но вчерашняя ученица клялась, что не знает, куда подевалась Анира (что было наполовину правдой).

Оставалось самое сложное: отец и мать должны поговорить со своими сыновьями.

Одним утром Валлар позвал Талсу и Наксара к лугу у водополя. Возле большого баобаба их ждала мать, и вокруг не было никого, кроме нее. Шилана пыталась скрыть чувства, но видимо, это получалось плохо: Наксар, встревоженный ее видом, подбежал со словами:

— Мама, что-то случилось?

Шилана только неопределенно зашатала головой.

Конунг сомневался до самого конца, ведь этим самым он ломал традицию — конунгом должен назначаться самый старший сын. И если прайд Хартланд не возражает, и Большой совет тоже, то он начинает править. Младших сыновей ставили лишь в том случае, если старшие были неполноценны: глупы, слабы и прочее... Талса уж точно таким не был. Валлар долго отработывал речь, но всё равно получилось как-то не очень:

— Дети мои... Сегодня я должен вам что-то сказать. Вы уже достаточно взрослые, и вскоре придете мне на смену. Вы будете править Союзом, — Валлар всячески делал ударение на «вы». Сыновья напряженно слушали: Наксар, как обычно, склонил голову набок; Талса же слегка поднял правую лапу, и прямо так сидел, весь внимание. — Так уж случилось, что я принял такое решение: ты, Наксар, будешь конунгом; ты же, Талса, будешь помогать своему брату. Вот. Всё. Я объявлю об этом через семь дней. Поверьте мне, так будет лучше. Кроме того, вы — братья, и в любом случае будете делать всё вместе.

Не зная, что еще добавить, Валлар вздохнул. Не имея больше сил, следуя властной привычке конунга, он топнул лапой, подняв пыль.

— Да, именно так.

— Валлар... — укорительно заметив, встала со своего места Шилана. Потом она подошла к Талсе и Наксару, и поцеловала каждого в щеку. — Милые мои... Не подумайте чего плохого. Мы вас очень любим. Просто так нужно, доверьтесь нам. Наксар, ты станешь конунгом. Талса, ты будешь рядом со своим братом. Видишь ли, — она посмотрела ему в глаза, — у тебя будет немного иная судьба.

Неугомонный Наксар закутился на месте, осыпав мать и отца вопросами: «Но как? Почему? Зачем? Я?!».

Талса воспринял новость крайне спокойно, с достоинством. Пока Валлар и Шилана старались ответить на вопросы изумленного Наксара, он задумчиво молвил, глядя куда-то вверх:

— Да какая, собственно, разница? Мы ведь и так братья. Мало что поменялось.

Валлар перестал на повышенных тонах говорить с Наксаром, который рьяно защищал брата; Шилана села, поджав хвост, и спросила:

— Талса, ты разве немного не... расстроен?

— Отнюдь, совсем нет. Я даже, наверное, рад что так вышло. Вот у меня не получается так властно орать на других, как у него. Да и вообще... Я буду помогать брату.

Тот подбежал:

— Ты что, брат, это же полная ерунда какая-то!

Талса покачал головой:

— Да я ж говорю, что никакой разницы нету. Вспомни Гиллара и Миллара. Они, считай, правила вместе. Тебе болтать и думать придется больше, вот и все дела, — Талса по-дружески взъерошил гриву брату.

Валлар и Шилана были очень рады, что всё так просто решилось. Удивленный Наксар, немного пошумев, тоже успокоился, и сразу освоил новую роль будущего конунга.

Через неделю, как и было обещано отцом, все в Хартланде узнали о том, что Наксар — будущий правитель Союза. Также с этой новостью ушли посыльные в остальные шесть прайдов Союза.

Но при этом конунг допустил одну существенную ошибку. В сообщениях для прайдов Валлар не объяснил причин своего поступка. Не было никаких оправданий, а лишь факт. Дренгиры во прайдах недоуменно почесывали гривы; впрочем, это их мало озадачило. На Большом сборе всё станет понятно, а так нечего зря гадать, что там, в главном прайде, творится.

И когда он обратился с речью к прайду Хартланд, то тоже словом не обмолвился о причинах, хотя бы выдуманных. И тут же поползли слухи, один нелепее другого:

— Он с чужачкой что-то там имеет! Я слышала! Дети даже!

— Глупости... — смеялся некто.

— Да нет же. Он смертельно болен! — громким шепотом шипели перед охотой, в сумерках.

— Точнее, детей не может иметь. Но это не смертельно, — отвечал авторитетный голос.

— Да мне Юмила сама вчера говорила!

— Дела...

— Жаль его.

— Да что жаль? Что жаль? Он брата своего убить хотел, а Валлар узнал!

— Ну хватит сплетничать! Мало ли что, в самом деле.

— Жди беды... Может быть ссора из-за власти...

— Одно ясно: это всё неспроста... — многозначительно кивали головами.

В всё чаще Талса начал замечать на себе сочувствующие, осуждающие, удивленные и просто любопытные взгляды. Друзья начали говорить с ним преувеличенно вежливо (а некоторые вообще сторонились), на водопое косились, рядом с ним на ухо шептались. Талса отшучивался, говорил, что всё нормально, иногда даже злился; но как-то так получилось, что этим еще больше наделал всяких сплетен. Он просто старался переждать смутный период, как плохую погоду; это было мудро, и всё бы вполне уладилось, если бы не...

...если бы не Амина, если бы не она, дочь ярла и помощника Валлара, которая была, наверное, самой красивой львицей в прайде Хартланд. Род ее имел корни в прайде Иллари, который недалеко от Больших гор, где живут львы-северняки, как их называют в Союзе. Было многое в ее крови от них: блестящая светлая шерсть, длинный-предлинный хвост, широкие, красивые лапы, вечная легкая улыбка, и эти пленительные серые глаза. Грациозная, яркая — она нравилась львам. Они с Талсой не особо дружили в детстве, и тропы их не пересекались. Но, когда наследник вырос, то влюбился в нее без памяти. Это было сильно, это было впервые в жизни. Амина оказалась весьма благосклонной к тогда еще будущему конунгу Талсе (да и мать Амины всячески поддерживала эти отношения). Очень быстро их нарекли парой, и вот уже все в Хартланде видели будущих конунга и его красивую львицу.

Со стороны они действительно казались отличной парой. Высокий, весьма крупный, с желтой гривой в черных пятнах Талса, и красавица Амина — вот оно, будущее Союза. Правда, мало кто знал, что Талса, за которым могли упадать десятки львиц, банально не хватало тепла от нее, от Амины. Душа ее была весьма холодна. Но это — первая настоящая любовь Талсы, и он полагал, что так наверное, и надо. Он не знал другого. Впрочем, он чувствовал, что Амина, в какой-то мере, отвечает ему взаимностью, и не особо тяготился. «Чего ж тебе еще надо?», — то ли в шутку, то ли всерьез думал Талса, когда грустил. Как правило, приходил к выводу, что ничего.

Но после объявления Наксара наследником всё весьма круто изменилось. Амина с каждым днем ставала прохладнее и прохладнее к Талсе, и не слишком пыталась это скрыть. Он всячески желал добиться понимания того, что происходит, но в ответ было:

— У меня просто плохое настроение.

Потом:

— Пойми, я должна разобраться в своих чувствах...

Ну, и наконец:

— Давай останемся друзьями.

— Хорошо, — ответил Талса, и хотел на прощание лизнуть ее щеку, но Амина так отстранилась, что он застыл на полпути. Возникла глупая неловкость.

— Что ж... Раз так, то так, — молвил он, уязвленный в самое сердце, и твердым шагом удалился, хотя хотелось плюхнуться на землю.

Их сначала всё реже видели вместе, а потом все вдруг узнали, что Амина и Талса больше ничем не связаны друг с другом. Это стало новой пищей для слухов. Дошло до того, что верный друг Талсы, Манаар, однажды утром сказал ему по пути на водопой:

— Ты только представь себе, что я слышал. Ты, мол, с Аминой, того...

— Что «того»?! — повысил голос Талса, с рыком, да так, что вспугнул мелких птичек, которые ютились в кустах акации. Его измучили эти сплетни.

— Ну, как тебе сказать... — ответил уклончиво друг, тут же пожалев о сказанном.

— Да так и говори.

— Ну, мол, видишь, что у вас ничего не получилось. Ты, мол, ничего не можешь со львицами, ну, понимаешь...

Талса остановился, то же сделал и Манаар. Они смотрели друг на друга. Видимо, сын конунга собирался с кем-то ругаться, что-то выяснять, кого-то бить по морде. Но искра угасла в его глазах: он махнул лапой, плюнул на землю, и пошел дальше.

«И действительно, почему папа не захотел, чтобы я стал конунгом... Да не так уж я и плох... Голова-то вроде соображает, по крайней мере», — задал он себе этот неприятный вопрос, который всё откладывал на потом.

Амина быстро сориентировалась, совсем недолго скучала за Талсой и мягко начала искать пути к Наксару, у которого никого не было. Но тот, как выяснилось, был совсем неглупый лев и к тому же верный брат. В ответ на небольшую лесть и томный взгляд вечером у водополя (Амина попросила составить ей компанию) прямой и решительный Наксар сказал следующее, тыкнув ей, ошарашенной, лапой в нос:

— Ты, красавица, будешь на охоте у меня с утра до вечера. Каждый день.

И, засмеявшись, удалился.

— Дурак!

Потом отец Амины даже приходил к Валлару выяснить, почему Наксар так обидел его дочь. Конунг немедленно вызвал своего младшего сына, и показательно отругал, но извиниться перед Аминой не попросил. Но когда отец Амины удалился, Валлар лапой взъерошил Наксару гриву:

— Ну, сынок, посмешил.

А Талса всё больше и больше впадал в грусть и тоску; он слепо, глупо любил Амину, и все хотел поймать ее взгляд где это только возможно, но напрасно. Шиладна замечала, что с ее сыном творится неладное, и решила откровенно побеседовать с ним:

— Мама, пойми. Мне всё равно, что Наксар будет конунгом, меня это не тяготит. Я люблю Амину, и... — тут Талса осекся. Ему не стоило рассказывать о слухах, которые ходят о нем в прайде. Потому он замолчал.

— Сынок, забудь. Посмотри, сколько львиц вокруг!

Но это было жалким утешением.

Однажды Талса спросил у матери, что она имела в виду, когда молвила, что для него «уготована другая судьба». Его вопрос был настолько искренним, что Шиладна не могла не сказать:

— Я не знаю, Талса. Честно. Это мне сказал твой отец, а ему, в свою очередь, сказала Анира. Но даже она не знала, какая именно. Она говорила, что тебе не стоит править.

Целый вечер он провел в раздумьях над этим.

В такой тоске и неразберихе внутри себя Талса прожил две луны. Сплетничать перестали: все свыклись. Еще сильнее расцарапало душу когтями то, что Амина уже была вместе с сыном одного из ярлов, Улларом, который раньше был ему другом.

«В любви нету друзей», — подумал Талса, чертя замысловатые линии на песке у водополя, неким образом изображающие Амину. Он услышал шелест позади. Это были слоны. Они согнали его с того места, где он сидел всё утро, и безразлично вытоптали начертанное когтем, олицетворяя собой судьбу.

Талса побрел по саванне, раздумывая над тем, что совершенно выбился из жизни прайда. Было невыносимо жарко, и он быстро устал бродить под солнцем. Потому спешно был найден приют под большим деревом, и он, ни о чем особо не

думая, смотрел себе под лапы. Потом прислонился к шероховатому стволу и прикрыл глаза. Удивительно, но спать не хотелось.

Послышались голоса. Это львицы возвращались из охоты; по их подавленному виду Талса понял, что охота была неудачной. Со вздохом отметив, что это не группа, в которую входит Амина, он безразлично отвернулся, и начал разглядывать, как огромный черный жук на небольшом камне, нечаянно перевернувшись на спину, старался встать на лапки.

«Я похож на него», — подумал он. — «Меня перевернули, и вот никак не могу встать, и продолжить путь».

— Что, брат, помочь?

Он когтем помог тому перевернуться. Никто не поможет Талсе, так хоть Талса поможет кому-то. «Дура ты, Амина», — с горько-сладкой тоской подумал он. — «Я не конунг, но брат конунга, разве этого мало?..». Потом сразу же поймал себя на том, что такие мыслишки глупы и низки, но было как-то всё равно.

«Пусть поступает, как хочет. Я переживу. Может быть».

Зашелестела высокая трава, из нее вышла львица. Эта львица — Анариэль, его ровесница, подруга детских времен. Когда они были совсем еще львятами, то постоянно играли вместе. Талса вдруг вспомнил, когда она приближалась, какая у них была интересная и большая компания, и как было захватывающе изучать мир.

Она заметила его чуть позже, чем он ее.

— Привет, Анариэли!

— Ой, Талса! Рада тебя видеть! — по ее виду было понятно, что она действительно рада.

— Ну и что, как охота?

— Знаешь, давно не было такой дрянной... ай! — Анариэль отдернула лапу, и посмотрела на то место, где мгновение назад шагнула. По невнимательности она наступила на неведомо откуда взявшуюся ветку акации. А шипы у нее большие.

Талса без раздумий поднялся, подошел к ней, и кратко молвил:

— А ну-ка дай.

Она начала слабо сопротивляться:

— Да зачем, перестань, я сама...

Он же просто выдернул шипы прочь, потом лизнул ее лапу.

— Вот и всё. И не больно.

— Как ты добр, — мурлыкнула она. — Спасибо.

Талса тут же улегся; его примеру последовала и она, разместившись не напротив, но рядом с ним. Некоторое время они молчали, но в молчании не было неловкости. Он заметил, что Анариэль изрядно устала, и пыль укрывала всю ее золотистую шерсть. В ней не было почти ничего необычного, просто приятная молодая львица. Почти ничего, кроме ясной черной линии вдоль спины, и глаз, настолько добрых и лучистых, что это даже казалось неправдоподобным. Но это только казалось.

И она подарила ему этот взгляд.

— Извини, ты не в настроении? — Анариэль почувствовала его.

Он долго не отвечал.

— Если честно, то мне не совсем хорошо, — для Талсы это были очень откровенные слова. Он старался держаться, и делать вид, что всё преотлично.

— Я знаю, что о тебе распускали всякие гадкие слухи, — грустно молвила она, прижав уши. — Кроме того... тебя бросили.

Талса слегка кивнул головой, смотря вдаль, теребя хвостом.

— Но ты не расстраивайся, всё образуется!

— Думаешь? — посмотрел он на нее.

— Конечно.

От взгляда в это озеро доброты Талса подумал, что действительно дела обстоят не так уж плохо.

— И мои сестренки так говорят.

Пока Анариэль думала, что сказать, он продолжил:

— Но тебе я верю охотнее.

— Почему? — она всю растянулась по траве, и подарила Талсе какой-то настолько хитрый взгляд, что он даже не взялся и думать, что это значит.

— Понятия не имею... Ладно, хватит об этих глупостях, — молвил он, показательно-небрежно махнув лапой. Не хотелось показывать свою беспомощность. — Так как охота?

Она, отряхнувшись, поднялась.

— Самая плохая, на которой я только была...

И они еще долго говорили об этом.

А в это время Сабадель в задумчивости сидела у своей пещеры. Жила она не отдельно, как это иногда делали шаманы, а вместе и рядом с другими. Да и пещера в полном смысле не принадлежала ей — в ней ночевали еще десяток львиц и львят, в том числе и ее собственные дети; был разве что уголок, где она складывала панцири, травы, плоды, цветки, семена и прочий необходимый для помощи другим хлам.

Сегодня к ней приходила Шилана. Ее сердце чувствовало, что с сыном творится неладное, и она всячески пыталась помочь ему. Шилана попросила ее:

— Расскажи мне всё, что Анира говорила о судьбе Талсы.

Шаманы тут же ответила:

— Если бы я знала нечто, что не знает львица, то тут же рассказала. Я действительно знаю немного. Анира упоминала об этом, но не более.

Немного помолчав, добавила:

— Она ничего не скрывала. Шаманы не занимаются пророчествами; просто иногда бывают такие моменты, когда ты что-то ясно знаешь. И она ясно узнала, что Талса править не будет, и не больше, иначе бы рассказала всё — такое попросту не удержишь в себе.

— Как она узнала? — поинтересовалась Шилана.

— Не знаю. Мало кто знает, откуда приходит безмолвное знание.

Всё закончилось тем, что Сабадель пообещала ненавязчиво завести беседу с ее сыном, и помочь ему избавиться от тоски.

Но она не знала, как и что будет ему говорить. «Нет, я буду пытаться помочь, но...». Сабадель прекрасно осознавала свои возможности; когда у нее была ученица, то она искренне старалась карабкаться вверх на вершину духа, потому как ученице нужен достойный пример. И не только наставница учит своих учеников, но и они приносят ей знания. После ее смерти нечто надорвалось в Сабадель, и она просто махнула на себя лапой.

Она стала просто лечить других. Сабадель перестала сновидеть, контролировать себя, уходить на недели, чтобы побыть в одиночестве.

Анира научила ее быть безупречно честной с собою, и она никогда не забывала этот принцип. Сабадель прекрасно понимала, что ее силы весьма ограничены; но, как ни странно, к ней приходили лечиться даже из других прайдов, и никому она не отказывала. Она ведь большой знаток всех трав и растений, а еще имела крайне бережный подход к делу и природную доброту.

Сабадель решила, что будь повод, а теплые слова для Талсы у нее найдутся. «Я не сильна во влиянии на других... Но постараюсь ему помочь». Ее намерение было настоящим.

А тем временем Талса становился всё более чудаковатым, странным в глазах других. Он стал меньше общаться с большинством, хотя по-прежнему был приветливым и приятным собеседником.

Теплыми вечерами Талса начал рассказывать маленьким львям различные истории, которые придумывал сам же, на ходу. Фантазия его была безудержной. Обычно это занятие львиц; но Талсу приходили слушать не только дети, но и остальные, ведь всем нравилось: слушающие так и сидели с открытым ртом. Когда Талса рассказывал, то даже не слышал, как его звали по имени; он закрывал глаза, и мог так просидеть целый вечер вместе с компанией своих маленьких слушателей. Его друзья и львы постарше с недоумением смотрели на это чудачество, но в открытую подтрунивать не решались.

Он намного реже стал приходить на небольшие соревнования по борьбе между львами Хартланда, хотя и был в ней неплох.

Зачастую Талсу можно было застать за странным занятием — он нечто чертил на песке у озера когтем, но что именно, разглядеть невозможно, потому как Талса тут же всё стирал лапой, если кто подходил.

Сабадель ждала подходящего момента, чтобы с ним побеседовать, и долго ждать не пришлось. Более того: Талса начал подолгу общаться с нею чуть ли не каждый день; он вдруг проявил большой интерес ко всему, что знала Сабадель о растениях, о львах, о львицах, о шамани, о мире вообще. Талса находил ее общество очень приятным.

Но за Аминой тосковать он не переставал. Видеть ее каждый день было пыткой.

— Талса, милый, тебе нужна другая, на которую обрушишь столько любви, сколько захочешь, а она будет просить еще и еще, — откровенно говорила с ним Сабадель.

— Я знаю, — чуть кивал он.

— Нет, не знаешь. Знал бы — не страдал. У тебя возможностей, просто огромная такая куча, — шамани старалась подбодрить его, и сыграть на чувствах самца. — А, может, за властью скучаешь? Как у вас с братом?

— Сабадели, — смеялся он, — да мне на это наплевать. Мой брат — это я. Ты бы лучше мне дала снадобье какое. Выпил и забыл.

— Я тебя загрызу сейчас. Нету у меня такого. Сколько тебе говорить.

— Но ты же лучшая шамани!

Сабадель прижала уши:

— Ты мне льстишь, но это совсем не так. Просто немного разбираюсь в том, как делать из кигелии и строфанта всякую чепуху, и на этом конец.

Потом очень серьезно сказала:

— Знаешь, если бы могла тебе помочь... Действительно помочь! Есть шамани, которые могут влиять на других. Я не умею такого. Я даже не вполне шамани, если хочешь знать.

— Да ладно, что такое львица говорит, — удивленно молвил он, недоверчиво качая головой. — А как они могут влиять?

Сабадель задумчиво поглядела в сторону.

— Напрямую. Они будут смотреть тебе в глаза. Но нет способа об этом говорить, это нужно пережить.

— В Союзе есть такие? — крайне заинтересовавшись, наострил Талса уши.

— Конечно. Я вот и подумываю о том, чтобы пригласить кого-нибудь, кто намного сильнее меня. Нужно пойти к твоему отцу, он всё устроит...

— Что такое Сабадели говорит! — замахал лапой Талса, и помотал головой. — Не надо ради меня кого-то приглашать.

— Тогда тебя нужно отвести.

— Куда?

— В прайд Юнити например. Там превосходные шамани. Но видишь ли, вмешиваться в чужую судьбу, чужие мысли... — Сабадель притронулась к нему гриве, одновременно нервно теребя хвостом и смотря вверх, стараясь подобрать слова, — ...шамани учат очень осторожно, ибо лучше этого не делать. И мне бы проще всего сказать: «Переживешь». Но знаешь... Не могу я смотреть, как ты страдаешь, хоть это глупо и с твоей, и с моей стороны.

Она перевела дух:

— Они хотя бы советом помогут.

Талса сидел, задумавшись. Ветер слегка ерошил его светлую, в черных пятнах, гриву.

— Нет... Не надо никого беспокоить. Я сам. Что, в самом деле, как ребенок.

Сабадель вздохнула.

Но Талса не так уж и много говорил о себе. Зачастую его интересовали самые разные вопросы; Сабадель стала с ним, неожиданно для себя, весьма откровенной. Она рассказывала ему такие вещи, которые шамани не раскрывают простым львам и львицам. Сначала Сабадель казалось, что она переступает некую грань, потому как шамани с ранних лет учат своих учеников, что говорить о тропе шамани можно только в общих чертах, и лишь немногие вещи.

Но Сабадель вскоре расслабилась — ему можно довериться. Слушал он с огромным любопытством, никому ничего не рассказывал. Такая беседа состоялась и в этот вечер.

— А как всё же шамани влияют на других?

— Очень сложно объяснить.

— Львица может влиять?

— Считаю, что нет. Я могу разве что прочувствовать тебя, твои мысли.

— Это вроде как слышать мысли других?

— Нет, не совсем. Скорее, я чувствую, куда и как они текут. Если я тебе нравлюсь, то буду ощущать это. Если ты в плохом настроении — тоже.

— Почему вы иногда черные полосы наносите на щеки и шею?

Она засмеялась.

— Нашел что спросить... Это просто дань традиции. Традиция, кстати, очень древняя, и никто не знает, кто дал ей начало. В такой способ шамани древности старались выделиться. В целом, ничего, кроме своеобразного тщеславия, здесь нету.

Сабадель призадумалась. Она хотела, чтобы ее ответ был как можно лучше.

— Это полагается делать в некоторые дни. Также это можно делать, если хочешь напомнить себе, кем ты являешься. Важно, если не только ты будешь думать, что надлежишь к особому роду. Также важно, что это будут видеть и другие. Понимаешь ли какая вещь — если напомнишь другим, кем ты являешься, то также напомнишь об этом самому себе. Я думаю, суть понятна... В целом, это не важно, и нужно воспринимать это просто как старую традицию.

— Кто же такие шамани? Расскажи, в общих чертах. Только не говори, что целители — это знают все. Извини, если я назойлив... Если тебе нельзя об этом говорить... — Талса хотел встать, и извиниться перед Сабадель. Ему стало неудобно. Вдруг ей действительно нельзя такого рассказывать?

Она остановила этот порыв.

— Не переживай. Я верю тебе, Талса. Ты знаешь, что шамани появились очень давно, по легенде, первым шамани был лев. Мы учимся использовать наше осознание и внимание, и тем самым узнаем больше о мире, и о себе. Все остальное — лишь побочный результат этих действий.

— То есть целительство, влияние на других, не есть вашей целью?

Сабадель заулыбалась, и довольно мурлыкнула.

— Ты молодец. Ты уловил суть того, что я хотела сказать. Просто отлично. Мы приходим к множеству вещей лишь только тем, что стараемся осознать больше, и учась направлять наше внимание туда, куда его ведет наше намерение.

— Намерение — это когда ты чего-то хочешь? Я вот хочу летать, например. Это намерение?

— Нет. Хотеть — одно. Намереваться — совсем другое. Ты бы наверняка летал, если бы знал намерение полета. Но я обрадую тебя. Ты знаешь намерение того, как поднять лапу. Сделай это.

Талса послушно это сделал.

— А теперь скажи, как ты это сделал.

— Ну... я взял, и поднял. Как бы захотел. То есть, я сначала подумал, потом лапа и поднялась. Думаю...

— У тебя кончились слова. Для намерения нет слов. Не существует их для воли. Поднимание лапы и было твоим намерением. Ты не желал поднять лапу. Ты намеревался. Ощути разницу, Талса. И так со всем, что делают шамани. Намерение и еще раз намерение — вот чему учат наставники своих учеников. Если научиться намерению сдвигать осознание других, то ты будешь это делать. И всё остальное тоже. Поэтому бессмысленно спрашивать у меня, или кого-нибудь другого, как шамани влияют на других. Или стараются найти кого-то, не ведая где он. Или ощутить состояние кого-нибудь. Нельзя дать конкретных советов о таких вещах, к этому можно лишь только привести. Так же, как и нельзя научить кого-либо ходить, объясняя это. Знание о намерении, о воле, было самой ценной находкой древних шамани. Они очень почитали это знание. Я уже догадываюсь, что ты спросишь. Это будет: «А как же всё-таки шамани делают то-то и то-то?». Талса, на самом деле мы ничего не знаем о мире. Мы понятия не имеем, с чем играем, как это делаем. Как я могу понять, что ты думаешь? Не знаю. Но я могу делать это, и достаточно.

Талса нахмурился, пребывая в раздумьях:

— Подожди. Выходит, я могу научиться намереваться летать? Можно научиться любому намерению?

— Нет, — покачала головой Сабадель. — Отнюдь. Видишь ли... Поскольку ты лев, то чтобы научиться намерению полета, тебе нужно будет потратить, наверное, тысячи лет. Ты просто не успеешь. Хотя, как говорят сильные шамани, так можно научиться любому намерению. Просто нужно разное время и разные усилия. Где-то так.

— Намерение, намерение... — мечтательно протянул Талса.

— Я вот намереваюсь тебе помочь с хандрой, а ты, надеюсь, намереваешься от нее избавиться. И если так, то, думаю, мы точно победим. Ведь, в конце концов, ты полный властелин своего сознания. Даже не так. Ты и есть твое сознание, а оно — властелин.

— Да мы уже почти победили! — засмеялся Талса. — Дело осталось за малым...

— И чем же?

— Нужно хорошо понамереваться найти себе пару! — он был в определенно хорошем настроении. Сабадель тихо, облегченно вздохнула...

В эти дни Валлар решил отправить небольшой яскарл в прайд Велари. Такие визиты — обычное дело, это скорее поход в гости, нежели какое-то формальное действие. Валлар решил, что будет неплохо Талсе прогуляться, да и Шилана поддержала эту задумку.

Талса отнесся к идее без особого энтузиазма, но желание проветриться у него имелось, а потому он ушел с небольшой группой в десять голов. По прибытию к веларийцам они застали необычное и довольно громкое происшествие — от свободного льва забередела одна из молодых львиц прайда.

Это было неслыханно, особенно в весьма суровом прайде Велари, где чтили строгость. Их застали вместе ночью, совершенно случайно. Льва тут же убили (как ни странно, он и не подумал убежать), львица же призналась, что беременна от него. Случилось это той же ночью, когда Талса пришел со своим яскарлом.

Разбирательство и суд решили провести утром, а львице (у нее было имя, которое сразу понравилось Талсе — Мигласка) тихо порекомендовали броситься со скалы, не дожидаясь суда.

Как выяснилось утром, Мигласка решила проигнорировать не слишком приятный совет старых львов, и пришла на суд. Как сын конунга, Талса мог и должен был присутствовать на суде, причем его слово было не менее весомым, нежели слово дренгира прайда.

По закону прайда Велари, за такое полагалось немедленное изгнание. В этом веларийцы наиболее строги, ведь в остальных прайдах Союза каждое такое происшествие рассматривалось отдельно; это осуждалось, но, как правило, никого не изгоняли. Веларийцы же предпочли оставить некоторые собственные законы.

Держалась эта молодая львица с большим достоинством. Талса сел специально напротив нее: Мигласка сидела в центре большого круга, который образовал прайд, и Талса разместился прямо там, куда был обращен ее грустный лик. Он всё искал ее взгляда, но она молча смотрела в землю.

Большинство львиц просто сочувствовали ей; некоторые знали не понаслышке, что в молодости всяко бывает. Талса даже услышал, как перешептываются:

— Что ж она так неосторожно, бедное дитя...

После краткой речи дренгира Велари о том, что случилось, весь процесс перетек в своеобразное обсуждение. Собственно, Талса не понимал, зачем оно, ибо не было смысла: факт установлен, за такое изгоняют без обсуждения, так чего обсуждать-то? Хотя это было ему на лапу — Талса решил ни в коем случае не бросать Мигласку на произвол судьбы в Большом мире, чего бы это не стоило.

В защиту Мигласки выступили только ее родители. Они прямо не просили смягчать наказание (это постыдно, так не принято), но всячески настаивали на том, что она еще очень молода и неопытна, и что они просто «плохо ее воспитали». Наконец, мать не выдержала напряжения и расплакалась. Талсу страшно удивило, что больше за Мигласку никто не заступился, а потому начал расспрашивать рядом сидящую пожилую львицу, была ли она изгоем в прайде.

— Нет, — покачала она головой. — Наоборот, совсем наоборот. Очень хорошая молодая львица. А что поделать? Все боятся заступиться, да и толку то... — вздохнула она.

Талса не успокоился, и обратился ко льву, который подтвердил слова львицы.

— Да я ее с рождения знаю. Как молния в голову эта новость, честное слово. Жаль, очень жаль.

В воздухе витала обреченность.

С обвинением выступил сам дренгир, так было положено. Сделал он это без особого энтузиазма. Талсе явно показалось, что ему страшно неприятна эта история, и дренгир охотно бы замаял дело, предоставься ему возможность. «Возможно, он бы попытался что-то сделать, если бы не гости из Хартланда», — вдруг подумал Талса.

Казалось, на том всё исчерпано, но тут вдруг вышла на середину львица, уже в годах. В своей речи она не скупилась ни на какие слова:

— Такие, как она, позорят наш прайд! Подумать только — забеременеть от чужака!..

Видимо, у нее были какие-то свои счеты то ли с Миглаской, то ли с ее родом. Талса впервые увидел глаза, по-настоящему полные ненависти — так смотрела мать Мигласки на эту лютую особу.

Всё это время Талса продолжал искать взгляда обреченной, и наконец, поймал. Она знала, что ее сейчас выгонят, причем выгонят из Союза вообще: она не сможет найти приюта ни в одном из прайдов. Здравствуй, жизнь в Большом мире... Он постарался по-свойски ей подмигнуть, но Мигласка не поняла, что Талса хотел этим сказать. Поэтому он слегка улыбнулся ей, и незаметно топнул два раза правой лапой по земле — охотничий жест «Стой!». Это было первое, что пришло Талсе в голову.

Наконец, когда неистовая обвинительница начала говорить что-то о «лишнем и чужом рте во прайде», Талса наклонился к той львице, с которой говорил раньше:

— Так, выходит, она хорошая?

— Безусловно, — ответила та. Она весьма переменялась в морде; видимо, поняла, что Талса на стороне Мигласки.

— Спасибо, большое спасибо львица, извини, не знаю твоего имени, — Талса вышел наперед. На него устремились все взоры. — Мы, безусловно, поняли, что поступок Мигласки заслуживает всяческого порицания.

Считая свою миссию выполненной, неизвестная удалилась в ряды.

Талса внимательно обвел взглядом всех присутствующих; длилось это долго, даже больше, чем Талса чувствовал за необходимое.

— А ведь все знают, кто такой Вемилар?

И, прежде чем кто-либо успел ответить, сказал:

— Это, как вы все знаете, был один из величайших конунгов Союза. Но у Вемиллара была лишь наполовину кровь Союза; его отцом был лев из Большого мира, если кто не знает.

Судя по мордам, это не слышал никто, да и не мог слышать.

— Конунг Малари не мог иметь детей. А потому, как ни невероятно, его львица забеременела от чужака. Такое не скроешь. Когда он спросил «Как?», она ответила чистую правду. И знаете, что он сделал?

Тишина.

— Ничего. Малари любил ее. Сын ее, Вемилар, стал конунгом. Ну, а дальше вы знаете. Так что в моих жилах течет и кровь Большого мира.

Талса совсем не думал в тот момент, что раскрывает очень глубокую тайну рода. Кто-то охнул.

— Но тогда таких законов не было, — молвил кто-то очень робко.

— Ложь! — неожиданно зло, с рыком молвил Талса. — Свод законов конунга Манаула был принят за двадцать лет до этого!

Было слышно, как трещат сверчки.

— Мигласка, скажи мне — ты хотела бы остаться? — спросил Талса, повернувшись к ней.

До этого момента молчавшая, она впервые заговорила:

— Я... Я не знаю. Мне страшно.

— Судьба Мигласку наказала так, что далее некуда. Жизнь ее на изломе. Что ж, решайте сами: вы можете бросить ее, изгнать; можете оставить, ибо дети эти — наполовину дети Велари. Дайте свои голоса. Если же вам всё равно, я заберу эту львицу в Хартланд.

— Но закон... — неуверенно начал было лев, сидевший около дренгира Велари.

— Закон для нас, а не мы для закона. Вы — прайд! Здесь ваш дренгир, — Талса указал лапой, — вы вправе делать с законом, что захотите. Я не могу, но вы можете его поменять. Да подумайте сами, в Свободные времена, когда и прайдов больших не было, давным-давно, — если львица беременела от кого угодно, да разве бросали ее на произвол судьбы? Тогда зачем же мы хотим бросить? Если Мигласка — плохая львица, то так и скажите; хотя мне говорили, что хорошая. Плохая?

— Неет....

— Нет!

— Да как плохая, о Талса! Да нет же! — какая-то львица, сидевшая в первом ряду, вдруг легла ниц перед ним.

Талса подошел к ней.

— Вставай. Ну... Не надо... Решайте же сами, как поступить. Скажи, Мигласка, кто он был?

— Я любила его, очень любила.

— Ты хотела сбежать с ним?

— Нет же! Да если бы я хотела, то давно это сделала! — она закрыла глаза, и сдержанно рассказывала. — Я не могла бросить свой прайд, маму и отца! Талса, — она смотрела только на него, не на свой прайд, — эта была невозможная, безумная от начала и до конца любовь, у которой не было ничего впереди!.. Он хотел придти в прайд, чтобы его приняли. Безумец, я отговорила! Ибо это невозможно! Невозможно, о Талса, понимаешь? Впереди ничего не было, но я любила его! Зачем его убили?! Он мог убежать, но не сделал этого! Он не бросил меня!

Каждое слово отзывалось гулким эхом в сознании Талсы, входило с чем-то в резонанс, а потом рвало душу на части, усиленное стократ. Он знал, он прекрасно знал, о чем она.

Большинство, забыв об условностях, прониклось глубоким сочувствием к своей Мигласке. Многие львицы плакали.

— Судьба ее в ваших зубах. Решайтесь, — молвил Талса и сел.

Голосования не получилось. Все наперебой заговорили:

— Оставляем ее!.. Оставляем!..

— Я ж не знал... Откуда я знал?.. — говорил ярл Велари, который по несчастливой случайности оказался там вместе с еще четырьмя львами. Его тоже тронуло всё это, хотя он и не мог поступить иначе в ту ночь.

Когда Талса уходил прочь на следующее утро, подавленный всем этим, то многие подошли сказать ему «спасибо», в том числе и дренгир.

— Я бы замаял как-нибудь дело, постарался. Но думал, что придется ее изгнать, как и полагается, из-за твоего присутствия. Но ты поступил крайне неожиданно.

Он помолчал, потом добавил:

— Очень жаль Мигласку, на глазах выросла, какая же львица... Эх...

— Берегите ее... Как будет дальше, зависит от всего прайда. Не затравите ее... Пусть лев поможет ей, очень прошу! — положил дренгиру лапу на плечо Талса.

— Помогу, — кивнул тот.

Талса продолжал пожирать его глазами.

— Слово дренгира, Талса.

Подходила к нему и сама Мигласка, и ее родители, и брат, и много кто еще. Талса не мог ведать о том, что, вступившись за Мигласку, он дал возможность появиться на свет Арламу, самому великому льву-шамани Союза. Достаточно только сказать, что он был наставником Анлиль.

Вечером того же дня Талса уже был вместе с яскарлом в Хартланде.

— Талса, я слышал, что произошло у веларийцев, — утром начал разговор Валлар в пещере.

— Да, отец?

— Зачем ты так поступил? — конунг был явно недоволен сыном. — Выйдите! — сказал он сестрам Талсы. Те послушно вышли. Больше никого в пещере не было.

— Отец, не было никакого смысла ее изгонять.

— Так нельзя, Талса. Всех нужно держать вот так... — Валлар сжал лапу. — Законы существуют для всех!

— Папа, они изменили свой закон. Они приняли решение. Это был закон прайда Велари.

— Нельзя быть таким мягким! Талса, нельзя! Даже если очень хочется!

— Отец, но ведь это львица Союза... Как же бросать своих в беде? — молвил сын. Отец хотел было что-то сказать, но застыл на полуслове. Он отвернулся и сел около выхода.

— Ты добр. Но конунг должен быть жестче.

— Пап, я не буду конунгом. Мой брат будет.

Валлар обернулся.

— Мне иногда кажется, что я всё это зря затеял... Я иногда ночами не сплю. Но пойми, Анира меня не подводила. В этом есть какой-то смысл, он должен быть, проклятье, — сказал он так, как никогда еще не говорил. По крайней мере, Талса такого тихого, искреннего тона от отца не слышал.

— Отец, не надо. Всё хорошо. Поверь.

Они обнялись, что бывало редко.

— Прайд защищал ее, папа. Они не хотели ее изгонять.

— Не все. Было несколько против.

— Откуда ты знаешь?

— Я много чего знаю. В каждом прайде есть мой осведомитель.

— Уж не та ли, что выступала с пламенной речью? — с издевкой спросил Талса. Признаться, он не знал об осведомителях.

Отец промолчал.

— Не вздумай так больше делать, Талса.

— Как?

— Ты всё прекрасно понял. Иди.

— Нет, я ничего не понял.

Валлар вспылел:

— Ты должен думать не о гулящих львицах, а о Союзе, что создан кровью наших предков, которые не знали жалости и потому стали великими! Теперь ты понял?

Талса был тверд.

— Я думал, заботиться о своих львицах, даже таких — значит заботиться о Союзе. Это одно и то же. Она нам не враг, ее дети — нам не враги...

— Нет! Не одно и то же! Хватит спорить! Мне надоело твое мудрствование! — отец был весьма вспыльчив, но особенно сегодня.

— Вот тогда Союз будет нормальным, — смело молвил Талса, — когда это и будет одно и то же.

— Тьху! Да была права Анира, тысячу раз права! Она уже тогда видела, каким дураком ты вырастешь! — заорал Валлар, и сразу же пожалел о сказанном. Но конунги не извиняются.

Сын стоял, не боясь смотреть в глаза отцу. Потом развернулся и ушел. Валлар так пнул камень, который попался под лапу, что аж выступила кровь.

Но разговор с отцом в тот день еще не был исчерпан. Талсу, который, как всегда по вечерам, рассказывал львьятам всякие истории, потревожила младшая сестренка:

— Тебя отец хочет видеть... Он ооочень зол, — испуганно прошептала ему на ухо.

Талса вынужден был прервать повествование и пошел навстречу судьбе.

— Да ты что себе возомнил? — начал тихим голосом Валлар. «Отец таки зол», — подумал Талса.

— Пап, ты о чем?

— До меня дошли слухи, что ты рассказал... тайну нашего рода веларийцам. Причем такую, какую не нужно знать никому. Теперь о ней судачат все веларийцы, а вскоре — и весь Союз будет знать!

— Ну и что? — безразлично спросил Талса, хотя внутренне напрягся. Сейчас будет гневная тирада, точно будет.

Когда ее не последовало, то продолжил:

— Я хотел, чтобы веларийцы остро поняли, что я хочу сказать.

Валлар, сощурившись, лишь покачал головой.

— Давай, ступай, — небрежно, жестоко бросил он Талсе, кивнув в сторону выхода.

Через три дня собрался, как и намечалось, Большой сбор. Пришли дренгиры всех прайдов, вместе с небольшим сопровождением. Главной темой на совете было утверждение Наксара в качестве будущего конунга. Никто не возражал, кроме дренгира Велари, который задавал конунгу единственный, но такой неудобный вопрос:

— Почему?

В ответ Валлар изрек длинную, туманную тираду, из которой стало понятно, что так будет лучше, поскольку Наксар прирожденный лидер.

— Неужели с Талсой всё так плохо? Глубоко сомневаюсь. Я хотел бы увидеть их, Талсу и Наксара.

Они пришли, и Талса ответил:

— Я добровольно отказываюсь быть конунгом. Мой брат будет править.

— Почему же, Талса? — спросил, сощурившись, дренгир, несмотря на гудение остальных. Это было его право. Каждый прайд должен быть полностью уверенным в будущем конунге. И Талса ему нравился; считая, что здесь имеет место некая темная родовая интрига, он хотел ему помочь.

— Так будет лучше, — так же уклончиво, как отец, но не так многословно, ответил он. — Кроме того, мы с братом заодно.

Наксар утвердительно кивнул.

— Что ж, как знаешь, — молвил дренгир Велари. — Веларийцы согласны.

Когда Талса выходил из пещеры конунга, где проходило совещание, то наткнулся на Дилану, дочь дренгира Велари. Он давно ее не видел, помнил еще подростком; Дилана очень похорошела и стала львицей хоть куда.

— Признаться, меня впечатлило то, что мне рассказали о тебе. Я как раз была на долгой охоте, нас не было в прайде три дня, — первой начала она.

— Ты о суде?

— Да.

— Что ты думаешь обо всём этом? — спросил Талса.

— О Мигласке?

Талса кивнул.

— Сложно сказать... Я подозревала что-то такое. Мы с ней подруги, но даже мне она ничего не рассказала... Ей теперь придется очень трудно.

— Это точно... Ты пришла с отцом за компанию?

— Да, — как-то небрежно ответила она.

— Может пойдем, прогуляемся? — предложил Талса. Он решил завязывать со своей хандрой, нужно следовать советам Сабадель. — Чего будем тут сидеть, пошли.

Взгляд Диланы был долгим, изучающим. Талсе показалось, что она то ли сомневается, то ли усердно раздумывает. Потом она опустила взгляд, и со вздохом ответила:

— Извини, Талса. Я побуду здесь, если не возражаешь.

Признаться, он не ожидал отказа. Равновесие, такое непрочное, которое он трудно выстраивал все эти дни, было нарушено; всё внутри упало и обрушилось. Размолвка с отцом больно ударила по чему-то в его душе, но Талса держался; и эта вроде бы мелочь, этот отказ симпатичной львицы, которая могла стать спасением, попросту сбросила его в пропасть.

Талса ощутил абсолютное, безысходное одиночество. В сознании зашевелились черные мысли, которые стали дикими, начали жить своей жизнью.

Он сдержанно попрощался. Следуя на водопой, не замечая ничего вокруг, он думал: «Что такое мир? И отчего в нем столько страдания?». По пути — ну надо же такому случиться! — Талсе встретились Амина и Уллар, довольные жизнью, красивые, жизнерадостные. Шли они прямо навстречу и не замечали его.

Сначала встретились взгляды Амины и Талсы. У нее — улыбка и сияние, у него — опущенный хвост и острые глаза, которые смотрят снизу вверх. По сердцу прошел еще один коготь. А потом настал черед Уллара.

— Ты, стоять! — неожиданно для самого себя прорычал Талса.

Они удивленно уставились на него.

— Талса, что это ты... — насмешливо было начала Амина, но была прервана самцом:

— Молчать!

Больше она говорить не смела.

— Но, Талса, ты чё?

— Я вызываю тебя! — именно это Талса имел в виду, и ничто иное. В живых останется только один. И неважно, что будет потом.

Уллар смотрел на него то ли с недоумением, то ли с нерешительностью.

— Но за это изгоняют. Разве ты не знаешь? — молвил он.

Талса ожидал чего угодно: насмешки, боя насмерть прямо тут и сейчас, спокойного ответа когда и где, молчания. Но только не этого блеяния! Талса хорошо так, от всей своей широкой души, треснул тому лапой с когтями прямо по морде, да так, что тот ничего и подумать не успел.

Как ни странно, Уллар не упал, хотя от таких ударов падают. Он только поднес лапу к щеке, которая уже была вся в крови, и затуманенными от удара и страха глазами смотрел на Талсу. «И это союзный лев, сын ярла?!», — с каким-то страшным разочарованием подумал сын конунга.

— Талса, ты чего? — это всё, на что он сподобился.

Амина мудро не лезла в дела самцов, ожидая в сторонке. Она смотрела на Уллара тем презрительно-разочарованным взглядом, каким только могут смотреть львицы. Она не бросилась к нему, не стала помогать, слизывать со щеки кровь. А потом Талса и Амина посмотрели друг на друга.

Талса всё понял, просто как Анира в тот день, когда он появился на свет. Амине нравятся победители, он видел это по ней так, словно Амина сама об этом говорила. Что ж, это ни хорошо, ни плохо; такова эта львица, более того, все львицы любят победителей. Только они, в отличие от Амины, не перебегают сразу же, как только ветер подул в иную сторону. Как знать, может он скоро вернется? А, может, нет никакого ветра вообще?

Талса лапой пнул дорожную пыль прямо на Уллара — это значило презрение.

«Вот видишь, Амина, вот кто победил, вот кто. Что же теперь ты скажешь? Тебе нравятся победители? Но ты не нравишься победителям», — в свою очередь, говорили его глаза, его поза, его жест презрения в сторону Уллара.

— Пошли вы к гиене, вы оба.

И удалился.

Амина ничего скрывать не стала, правдиво, без церемоний бросив Уллару:

— Трус.

И удалилась тоже.

Всё случилось очень быстро, а потому свидетели этого зрелища только начали осмысливать, что же произошло.

Талса ушел в саванну. Он не испытывал особого удовлетворения от произошедшего, хотя это немного сняло напряжение; правда, предательски-сладкая мыслешка всё же копошилась: «А может, Амина вернется ко мне?». Но Талса знал твердо, что предавший единожды предаст и дважды, и трижды. И одиночество стало просто вселенским. Мир был не мил.

«Анира, что ж ты сделала с моей судьбой?.. Зачем такая жестокость?..»

Вдруг мысль пошла по странному, страшному пути; этот путь блеснул и раньше, но пребывал на задворках ума, и Талса внимания ему не уделял. Теперь же... Очень быстро, импульсивно, решительно, мысль оформилась в конкретный план действий.

— Лев должен поступать так, как считает нужным, — твердил он себе. — К гиенам всё. Мир меня не ломает.

Уже поздняя ночь. Он пришел в пещеру Сабадель; она еще не спала, в отличие от остальных. Увидев его, встревожилась:

— Талса! Тебя ждет мать, отец!

Потом добавила, как показалось Талсе, без особого осуждения:

— Я слышала, ты дрался с Улларом.

— Он приходил? — с усмешкой спросил Талса.

— Нет.

— Ему может понадобится помощь. Наверное. Но я не за этим пришел. Сабадель, мне нужно очень серьезно поговорить. Пожалуйста.

Она кивнула, быстро встала и повела его за собой.

Анариэль слышала о том, что случилось между Талсой и Улларом. Талсу никто не осуждал, скорее, наоборот. Ну а над сыном ярла просто смеялись. Она решила разыскать его, прекрасно зная излюбленные места Талсы, чтобы побыть рядом с ним в эти трудные мгновения. Но напрасно — Талсы нигде не было, ни даже его запаха; а потому Анариэль возвращалась в прайд ни с чем.

Но когда она проходила мимо Южной тропы, то вдруг застыла, с поднятой лапой: услышала голос Талсы. Нашелся, пропажа! Потом голос львицы. Анариэль прислушалась. Это была Сабадель.

«Чего они там делают, в дебрях?», — недоуменно подумала она, смотря на густые низкие кусты, откуда доносились голоса. Мгновенно возникло ну просто неодолимое любопытство. Подслушивать чужие разговоры плохо, но Анариэль ничего не могла с собою поделать, и уже тихо, очень тихо кралась; кусты предательски шелестели. Она наострила уши.

— Но Талса... — взволнованный голос Сабадель.

— Я прошу львицу о последней услуге. Я так решил.

— Но твои родители, брат, сестры, друзья, прайд? Но как же всё это?

— Не знаю... Не знаю. Но у меня уже нет сил. Проклят этот мир, и я вместе с ним.

— Никем он не проклят, будь уверен. Ты сам сначала его проклял, а потом начал думать, будто он проклят. Неужели ты так ничего и не понял из наших разговоров? Твой ум может убивать тебя, а может и осознать, что ты — властелин мира, не больше и не меньше.

— Я не знаю, — вздохнул Талса. — Он слишком туп. Сабадель, прошу последний раз. Я знаю, шамани могут делать это.

— Дурак, они делают, но только для старых и больных, — Анариэль услышала, что шамани плачет.

— Сабадели, не надо, не плачь... — перешел он на «ты».

— А что ты хотел? Чтобы я прыгала от радости из-за того, что ты собрался умереть?

Анариэль чуть с лап не свалилась.

— Вот именно. Собрался.

— Ты несешь ерунду! Какую же ерунду!

— Ладно, Сабадели, прости. Извини, что потревожил. Я действительно полный дурак, — молвил Талса. Он понял, что для него уже нет пути назад. Он медленно побрел прочь; теперь ему осталось найти подходящую скалу, откуда можно будет спрыгнуть.

— Стой... Стой. Вот скажи мне Талса, ты разве меня совсем не любишь?

— Люблю.

— А вот я не хочу, чтобы ты уходил!

— Я и так делаю только то, что другие хотят. Извини, Сабадели. Всё это зашло слишком далеко: от такого позора перед тобой мне уж не отмыться. Лучше издохнуть.

Анариэль услышала, как шамани буквально схватила уходящего Талсу, как добычу.

— Стой... Куда пошел?... Я помогу тебе. Хотя буду ненавидеть себя за это всю жизнь.

— Нет, так не пойдет, я лучше сброшусь со скалы.

— Ну вот уж и нет! Поздно! — Анариэль уловила неожиданную ярость в словах Сабадель. — Раз ты пришел ко мне за этим, то я тебе дам то, что просишь! Но учти... мои страдания будут на твоей совести, Талса.

— Сабадели, постой, не...

— Нет, нет, Талса. Отвечай же за свои слова. Спрашиваю тебя — ты хочешь этого?

— Постой, ты не...

— Отвечай же!

— Да! Я решил!

— Ну так и всё. Приходи завтра вечером к острой скале с красным песком, что за Северными холмами, за водопоем.

Долгое, очень долгое молчание.

— Дашь мне строфант?

— Ты, Талса, мог бы сам строфанта наесться и не тревожить меня! Но теперь уж поздно. Ты получишь то, что хочешь. Ты заснешь и умрешь во сне. И попробуй только не явиться, а, тем более, что-либо делать без меня!

«Да она что, совсем с ума сошла!?!», — вздохнула Анариэль. В сознании замечались мысли: «Что делать?!».

— И не опаздывай, — жестко бросила Сабадель. Зашелестели кусты, видимо, она ушла. По всему, ушел и Талса.

Анариэль сидела несколько мгновений, ни на что не решаясь. Но потом продралась сквозь кусты назад, на Южную тропу. Взобравшись на сухое дерево, она заметила Талсу — он шел в сторону прайда; Сабадель с ним не было. «Наверное, ушла в другую сторону».

— Талса! Талса! — она громким шепотом позвала его.

Тот спокойно обернулся. Анариэль смотрела на него, и ничего, абсолютно ничего не выдавало того, что он мгновение назад договорился со своей смертью!

— О, это ты, Анариэли. Почему не спишь? — буднично спросил он.

Ей вдруг стало не хватать воздуха, а сердце выпрыгивало из груди.

— Я повсюду искала тебя! Куда же ты пропал? И родители волнуются о тебе!

— Нееет, неправда. Они привыкли к моим ночным гуляниям, — махнул Талса лапой. — Ты что, бежала?

— Можно сказать и так! — бросила она, и вдруг потекли слезы ручьями. — Бежала! Вот и прибежала!

— Анариэли, ты чего... — он тут же обнял ее, спрятал в гриве. — Что случилось?

— Что с тобой, Талса? Что с тобой такое? Ты ведь сам не свой, я же вижу!

— Хотелось бы и мне знать... Перестань, не надо плакать... Чего ты так волнуешься?

— А то ты не понимаешь?! Неужели ты не понимаешь, почему?! — и Анариэль вдруг даже укусила его шею; конечно, это было несильно, любя.

— Я... Анариэли... Моя добрая Анариэли...

Хватит слов, они жалки, они бессильны. Талса смотрел в ее глаза, полные слез, и понимал, насколько искренне ее чувство, и неважно, как оно называется; Талса думал, что нелюбим, и не сможет найти бесконечно преданную, чтобы отдать ей свою любовь; но оказалось, что он не видел, ничего не замечал вокруг. «Какой же я дурак!», — думал он, целуя ее сначала в шею, потом щеку, потом всё ближе, ближе... Анариэль уцепилась когтями в плечо Талсы, будто боялась, что он убежит, пропадет; и эта легкая боль была самой приятной из всех, которую Талса испытывал в жизни.

Но смерть ждет его, и он будет трусом, если не придет завтра, после заката; он запомнит на всю недолгую оставшуюся жизнь яростный взгляд Сабадель. С шамани не шутят, и не шутят с такими вещами.

— Анариэли, жизнь моя... Послушай...

Талса почувствовал, как она поддается, делаясь абсолютно мягкой; в таком случае выбора не остается, всё происходит само собой, и вот она уже на траве, а Талса сверху. Теперь взгляды и дыхание ближе, теперь весь остальной мир прозрачен и нереален.

— Не хочу ничего слушать. Это последнее, что я хочу делать сейчас.

«Нет, нет, нет... Нет, нельзя. Со мной покончено, а ей еще жить... Что же с нею тогда будет?.. О проклятье, я таки полный дурак!», — думал он, вдыхая ее запах. Он сводил с ума.

— Моя Анариэль, я ухожу. Завтра я должен уйти.

— Куда? — нежно мурлыкнула она. — Забудь. Я не хочу. Не уходи.

— От меня уже ничего не зависит.

— Чушь. Ты — Талса. От тебя зависит всё, я знаю это.

— Нет...

— Куда ты собрался? Зачем?

— Неважно. Неважно...

Он встал. Анариэль смотрела на него так, что Талса понял, что не найдет лучше львицы на свете. «Но что же я наделал?! Ну так и пусть!».

— Пусть! — яростно молвил он, даже не заметив, что это были мысли вслух.

— Талса, мой Талса... — подошла она к нему, потершись о шею.

Его лапа очень-очень нежно проделала путь от ее шеи к плечу. Она мурлыкала.

— Обожаю тебя, моя Анариэли... Прости меня, я слишком глуп.

Талса начал уходить. Каждый шаг был невообразимо труден.

— Талса, не уходи. Ни сегодня, ни завтра... Прошу тебя! — она стояла позади, и Талсе ее силуэт показался безысходно одиноким; он всей душой чувствовал ее страдание.

Подарив ей прощальный взгляд, он ушел. Как он ненавидел себя в эти мгновения! «Я не только изорвал сам себя, но и ни в чем не повинную Анариэли бросил мучиться! Как же я был слеп; как же она любит меня, и как же ощутил ее я!».

Талса не помнил, как добрался домой. Все уже спали. Вопреки обыкновению, он лег совсем недалеко у входа, и постарался заснуть. Ничего не получалось, но где-то аж под утро его всё же одолел сон; снились ему фантасмагоричные, жуткие вещи: темная, глубокая вода, в которой он тонул; потом оказалось, что это кровь; некие мелкие существа набрасывались на него, пытаясь сожрать; снились темные водопады.

Его разбудила мать:

— Доброе утро. Чего это ты у входа лег?

Увидев ее, сын пришел в ужас. «Да это ж моя мать. Что будет с нею, если меня не станет?». Вчерашняя ночь и разговор с Сабадель казались большим бредом. Видимо, вся эта гамма мыслей и эмоций четко проступила на его морде, потому как Шилана испуганно спросила:

— Сынок, тебе плохо?

Он натянуто улыбнулся и поспешил ее успокоить:

— Нет, нет мама, всё хорошо.

Шилана очень недоверчиво посмотрела на него и хотела что-то сказать, как тут подошел Наксар:

— Здорова, Талсище! Сколько можно спать?

— Сколько можно тебе говорить, чтобы ты не называл брата этим прозвищем?

— Мам, ну чего ты, в самом деле?

Суровый взгляд Шиланы.

— Хорошо, я не буду больше. Пошли попьем!

— Пошли, — согласился Талса.

Когда они шли, Наксар вдруг легко толкнул брата плечом:

— А я слышал всё, хе-хе.

— Что ты слышал?! — резко посмотрел на него Талса.

— Хорошую ты вчера оплеуху дал Уллари. Я смеялся. Уже весь прайд знает. Ходит расцарапанный, весь в позоре. А я знал, — Наксар остановился и торжественно поднял лапу, — что он нищий гривой трус.

— Ага, — протянул Талса, думая совершенно о другом.

— Позор просто на весь Союз. Лучше сразу со скалы броситься.

— Ага, — злобно отозвался Талса. Сработала актуальная и неприятная ассоциация.

Они пришли к водопою.

— Брат, послушай. Ты будешь отличным конунгом. И знаешь что — я тебя люблю очень, — искренне молвил Талса, когда Наксар начал пить.

Видимо, того тронули даже не слова, а тон, в котором они были сказаны. Наксар перестал пить, удивленно уставившись на брата.

— Чего это ты?.. Брат, ты тоже для меня лучший на свете. Послушай, я действительно не знаю, почему всё так. Почему конунгом буду я, а не ты. Если...

— Наксар, мне всё равно. Ты даже представить не можешь, как мне всё равно.

Они стояли друг напротив друга: Талса смертельно серьезный, Наксар улыбался до ушей.

— Я тебе рассказывал?

— Что именно?

— Иду в прайд Велари послезавтра, — по-свойски подмигнул Наксар.

— Это зачем?

— Дилана, Дилана... — заулыбался он.

— Ну надо же. Это вы во время совета сблизились?

— Ага. Всё, малыш, она моя. Чудная львица.

— Ого, даже так.

«Так вот зачем она приходила вместе с отцом», — подумал Талса. Довольный Наксар продолжил пить. Талса стоял, жажду он не ощущал; поздоровался с несколькими знакомыми, пожелал удачи охотничьей группе. «Жить не так уж плохо», — подумал он, наблюдая за стаей грифов, которые далеко-далеко кружились в небе.

Он ощутил холодное и влажное прикосновение к лапе.

— Ты погляди. Я давно ее такой не видел, — тихо сказал Наксар, слегка кивая головой направо. Талса посмотрел туда.

Там была Сабадель, которая шла к водопою. Как только Талса ее увидел, так и понял — она не забыла, о нет. Это вернуло в жестокую реальность. На левой щеке Сабадель были три полосы черной глины, на шее тоже; она сдержанно поздоровалась с группой львиц, которые переглянулись за ее спиной. Весь ее торжественно-мрачный облик говорил Талсе, что вчерашний разговор не был сном.

Талса разглядывал шамани. Она неспешно подошла к воде, долго смотрела на свое отражение, а потом медленно перевела взгляд в его сторону. Талса поклялся выдержать ее взгляд; он впервые видел, чтобы у Сабадель были такие безжалостно-холодные глаза. Кто знает, чем бы всё закончилось, если бы его не отвлек Наксар.

Несколько позже, уловив момент, Талса подошел к шамани.

— Здравствуй, Сабадель, — голос неожиданно охрип.

Она кивнула, не молвив ничего в ответ.

— Я вот хотел спросить...

— Ты готов? — спросила она таким тоном, что Талса понял: если он скажет «Нет» или «Я передумал», то тут же будет одарен презрительным взглядом и словами «Так вон какова твоя решимость...». Ну уж нет. Смелость на грани безумства. Львы своих решений не меняют!

— Готов, — ничего другого Талса ответить не мог.

— Не передумал?

— Нисколько. Я хотел только спросить: но что будет, если узнают, что случилось?

— Ты можешь представить. Никто радоваться не будет, — Сабадель посмотрела вдаль, причем как-то необычно: она почти полностью отвернулась от Талсы.

— Я не о том. Если узнают, что ты помогала мне?

— Не о том беспокоишься, — всё также смотря в никуда, ответила Сабадель.

— Лучше думай, у кого просить прощения, с кем хочешь попрощаться.

Она снова взглянула на Талсу. Всё тот же холодный взгляд.

— Хорошо, — ответил он.

Нечего и говорить, что Анариэль тоже не спала в эту ночь. В отличие от Талсы, она не смогла и глаз сомкнуть. Она даже и не догадывалась, что способна так долго плакать. Вернувшись к прайду лишь под утро, она тихо улеглась около мамы, и думала, думала, думала...

Выход есть. Нужно убедить Сабадель не делать этого.

— Анариэли, вставай, сегодня наша очередь, — это мама будила ее на охоту. Она не заметила, что дочь не спала.

— Мам, я не могу.

— Это почему же? — спросила мать, и было понятно из тона: «Конечно же, ты пойдешь».

— Не могу, и всё.

— Тебе плохо? — участливо спросила мама, положив ей лапу на спину. Ведь Анариэль никогда не хитрила, не старалась избежать охоты.

— Мам, я не могу, не могу, не могу. Когда угодно, но не сегодня.

— Но кто будет в загоняющих?

— Не знаю, пусть поставят кого-нибудь, — раздраженно махнула хвостом дочь.

— Но что я скажу Камале?

— Мам, скажи, что я больна.

— Но ты не больна!

— Мама! — выкрикнула Анариэль так, что все спящие под деревом пробудились, а кто-то даже вскочил с испугу.

— Ну, ты что себе позволяешь? Потихе, — сурово прошептала мать, гневно блеснув глазами.

— Сегодня у меня очень, очень важные дела. Очень.

Не в силах больше находиться здесь, испытывать недоуменные взгляды, Анариэль бросила краткое:

— Я — пить.

И ушла.

Побродив в одиночестве, она пошла к Сабадель, когда солнце уже поднялось весьма высоко. Она нашла шамани в ее пещере. Та несла в зубах огромный панцирь черепахи, и, видимо, куда-то собралась идти.

— Сабадель? Можно поговорить со львицей?

Шамани поставила панцирь на землю и наострила уши:

— Конечно.

— Пожалуйста, пусть львица поймет меня правильно. Я знаю о том, что Талса задумал. И я знаю, что он просил помощи у львицы.

Было видно, что Сабадель поражена:

— Откуда? Он тебе сказал? — в голосе было неподдельное удивление.

— Нет, я вчера подслушала ваш разговор. Знаю, это низко, но я не о том. Пожалуйста... Пусть львица отговорит его! Я вчера пыталась, но бесполезно. Не надо ничего ему давать! С ним будет всё в порядке, честно, ему просто надо время! Не надо убивать его...

Анариэль умоляюще смотрела на шамани. Та молчала очень долго, и видно было — в ней происходит нешуточная внутренняя борьба.

— У шамани есть обязательство, — вздохнула она. — Если Талса этого желает, и всё решил, то я должна. Нет выбора для меня. Решать ему. Если я откажу, то он бросится со скалы и умрет мучительной смертью.

— Пусть львица забудет обязательство, умоляю!

— Не могу.

Тогда Анариэль преградила путь, в полном смысле слова. Сабадель наткнулась на нее.

— Тогда я не дам этого сделать, — зло молвила она. — Только через мой труп.

— Я ж говорю: тогда он придумает что-то иное. Я пыталась отговорить его, но бесполезно. Единственный способ предотвратить это — убедить Талсу отказаться от своей затеи.

Тихо зарывчав, Анариэль убежала прочь. Она низко стелилась по земле, как на охоте, и твердила себе под нос:

— Какая же она тупая! Какие же эти шамани тупые! Она ведь может что-то сделать! Ну ничего, не всё так плохо...

Немного успокоившись, она села. Вокруг была густая трава, полностью скрывавшая ее. Анариэль вдруг вспомнила, что в такой траве они играли в прятки, стараясь найти друг друга по следам и запаху.

«Нужно найти Талсу, немедленно!».

Она, после долгих поисков и расспросов, таки разыскала его у Восточных скал. Он не один, с ним была мать, Шилана. Они о чем-то спокойно беседовали, укрывшись в тени большого камня.

— Извините, пожалуйста... Талса, можно с тобой поговорить? — взволнованно сказала Анариэль. Это было весьма бесцеремонно: нарушать разговор львицы конунга и ее сына, но ничего другого не оставалось.

— Не могло бы это несколько подождать? — с явным недовольством молвила Шилана.

Талса этого и боялся. Он боялся этого разговора. Он желал увидеть Анариэль, но не знал, что будет говорить.

— Мама, я сейчас...

Они отошли далеко в сторонку, в рощу густых кустарников и низких деревьев. Талса начал первым:

— Извини, прости меня Анариэли...

— Я знаю, что ты задумал. Я слышала ваш разговор.

— Какой разговор? — начал неумело притворяться Талса.

— Талса, зачем? Почему ты ищешь смерти?

Он всё понял: она знает.

— Тебе Сабадель рассказала?

— Нет, я подслушала ваш разговор.

— Так будет лучше...

— Кому лучше? Тебе? Чего же тебе не хватает? — ее глаза блестели.

Талса обнял ее.

— Слишком поздно...

— Да ничего не поздно! Да что ты, в самом деле? Никто не хочет чтобы ты уходил! Я не хочу, Талса.

— Я люблю тебя, — Талса хотел сказать какую-то иную глупость, но вдруг получилось это.

— И я люблю тебя, мой Талса! Зачем же тогда? Неужели тебе всё равно?! Ты же только что беседовал с мамой!

— Я хотел запомнить ее...

— Дурак! Проклятье, какой же ты дурак! — эмоции захлестывали ее.

— Дурак... — согласился Талса. — Но решение уже принято.

— Это из-за того, что ты не можешь стать конунгом, да?

— Нет, нет, мне всё равно.

— Тогда что же случилось?! Почему же отец не захотел поставить конунгом тебя?

— Анариэли, я не знаю, меня это не интересует, я и не хочу им быть!

Анариэль зашептала ему на ухо:

— Обожаю тебя! Забудь об этом, мой Талса...

Он обнял ее так сильно, что у нее перехватило дыхание. Он обожал ее и ненавидел себя.

— Моя Анариэли, прости меня. Но я буду трусом, если попячусь назад. Зачем тебе трус... Я принял решение. Всё зашло слишком далеко.

— Так измени его! — она уцепилась в него когтями, на этот раз больно.

— Еще древние говорили, что это...

— Проклятье же, не могу эту ерунду слушать, — она резко отстранилась от него. — Угораздило же меня влюбиться в такого дурака! Да тебе попросту всё равно!

— Талса на всю жизнь запомнил эту любящую ярость ее влажных глаз.

— Анариэли, стой...

— Уйди! — она, конечно же, не имела этого в виду. — «Я лев, я всё решил...». Какие же глупости! Какой же ты дурак, не могу больше! — Анариэль вдруг взяла и убежала, одним прыжком скрывшись в кустах.

А Талса так и сидел с открытым ртом. Это был полный крах, полный конец. «После такого уж точно не живут!», — подумал он с искренней ненавистью к своей сути.

Он в тумане вернулся к матери, кое-как проводил ее домой, и ушел на Восточные скалы. С одной стороны был утес, с другой — пологий склон. Талса залез по нему на край обрыва, высотой прыжков двадцать. Не хотелось никого видеть, ни слышать. Он так и сидел, на краю; пропасть соблазняла, но инстинкты были безотказны, он бы вряд ли прыгнул.

«А я думал, что безрассудно смел. А как же. Пойдет ли смелый лев пойдет к шамани, чтобы умереть, уснув от гадости, которую ему дадут? Я всё превратил в какие-то глупость и фарс...».

Мир казался крайне ярким, богатым на жизнь, сочным красками.

«Всё же... Сабадель ведет себя странно... Впрочем, ты чего хотел? Чтобы с тобой носились, как со львенком?».

Он перевернулся на спину.

— Хочу ли я умирать? — спросил он кого-то.

И вместо него тут же тихо ответил:

— Гиена его дерит, нет же.

Закралась мысль: «Может, Сабадель заметит, что я не хочу умирать?». Но Талса гнал ее. Он ничего ей не скажет. Он не боится. Это будет бесчестьем. Кроме того, он уже и так испортил всё, что только можно испортить. «Смерть — всегда достой-

ный выход. Так говорил Манаул. Я лев Союза, и сын конунга. Так, и только так смывают глупость и позор». Еще с древних времен самоубийство в Союзе не считалось постыдным, скорее наоборот, отважным поступком, что сглаживает вину и показывает дух.

— Прочь сомнения, — смотрел он на солнце, которое неумолимо краснело, шло к закату. — Цветок жизни в пропасть? Легко! — с этими словами он действительно сбросил, только не цветок, а мелкий камешек, поскольку цветов рядом не оказалось.

Когда Талса шел вечером к Северным холмам, то дух его был спокоен.

Он хотел придти раньше Сабадель, но не получилось — та уже стояла у острой скалы, как и договаривались. Талса буднично подошел, словно они собирались пойти вместе на прогулку, и молвил:

— Я тут.

Она сидела с закрытыми глазами, а перед ней лежал панцирь черепахи. Но что в нем, Талса не видел, так как он был прикрыт большим листом хум.

— Ну что, приступим? — фальшиво-весело спросил он.

Сабадель открыла глаза.

— Не передумал?

— Нет.

— Что ж. Я очень надеялась, что ты передумаешь. Но решение льва — это решение льва. А у меня есть долг шамани. Пошли, обойдем скалу.

Она очень осторожно взяла в зубы панцирь, и они обошли скалу.

— А там точно для меня хватит?

— Хватит на трех таких, как ты.

Талсе казалось, что ему всё это снится — настолько странной была вся эта ситуация. Сабадель скинула лапой лист прочь. Талса посмотрел на содержимое: это было нечто весьма густое, зеленое, но слишком противно не пахло.

— И что с этим делать? — задал он глупый вопрос, прекрасно понимая, что.

Назидательным тоном, словно рассказывая о самых обычных вещах, Сабадель молвила:

— Всё это надо съесть. Больно не будет. Ты просто вскоре захочешь спать, а потом заснешь.

Она наклонилась, понюхала, и даже попробовала на вкус эту кашу. Видимо, всё было так, как надо, ибо она добавила:

— И никогда больше не проснешься. Страшная смерть, и врагу не пожелаю.

— Почему? — недоверчиво спросил Талса.

— Потому что никто не боится собственно смерти, но боится перехода из жизни в небытие. И этот переход будет у тебя долгим, очень долгим. Твое сознание будет медленно угасать, как солнце, — она кивнула в сторону заката, и ее глаза блеснули огнем. — Ожидание смерти хуже самой смерти. Кроме того, ты будешь умирать в полном одиночестве.

— Тебя рядом не будет? — голос Талсы предательски дрогнул, но он сразу же сделал вид, что закашлялся.

Шамани покачала головой.

— Нет. Это очень личное дело.

Талса не знал, что сказать. Сабадель терпеливо ждала, слегка качая панцирь из стороны в сторону.

— Кстати, ты покушал? — вдруг спросила она, и вопрос был такой неожиданный и простой, что Талса сразу даже не понял, что она имеет в виду.

— Нет, я сегодня вообще не ел. Голоден, как слон. А что?

— Так, ничего... Ну, давай.

И Талса пошел навстречу смерти.

Сабадель не дала ему съестъ всего.

— Достаточно, — молвила она, когда оставалась еще добрая половина, и отодвинула панцирь в сторону. Талса отошел, прислушиваясь к себе. Потом вдруг прилег.

Внезапно они услышали шелест и треск, вместе наострили уши. Быстрой трусцой, оглядываясь во все стороны, бежала Анариэль. Заметив их, она тут же очутилась в их компании:

— Значит, ты таки решился! — наскочила она на Талсу.

— Анариэли, уходи. Тебе незачем на это смотреть. Со мной всё кончено. Забудь обо мне.

Сабадель внимательно смотрела то на нее, то на него.

— Ну уж нет. Сабадель, львица не даст ему этого! — она смотрела на панцирь так, будто хотела его загрызть, как некую добычу.

— Он уже это сделал, — шамани тронула лапой Талсу. Но говорить это было уже незачем: Анариэль и так заметила, что морда у Талсы вся в этой зеленой штуковине.

Она устало плюхнулась на землю, зло глядя на Сабадель снизу вверх.

— Тогда мы умрем вместе! — тихо молвила Анариэль.

Решительно, сильно оттолкнула шамани, и быстро вылакала всё, что осталось.

— Не давай ей ничего! — заорал Талса, но было поздно.

Он пораженно смотрел, как Анариэль вылизала досуха весь панцирь изнутри. Завершив, она с огромной силой охотницы пнула его в сторону. Тот зрелищно полетел прямо в густые, колючие как дикобраз, заросли.

— Ой, да зачем же панцирь-то?! Как я доставать его буду?! — запричитала Сабадель, вставая. Панцири были вещь крайне редкой, ценной, передавались из поколения в поколение.

Анариэль смотрела на Талсу; вся ее мордочка была в этой зеленой, густой, сладкой штуковине. Начал неметь рот. Эта каша была сладкой на вкус, с каким-то очень горьким привкусом, но ничего особо противного собой не представляла.

— Сабадееель! — снова заорал Талса, прям как его отец, поднимаясь. — Дай ей что-то, немедленно! Она отравилась!

— Ну что я ей дам? — невозмутимо ответила та, отряхиваясь. — Нету ничего такого, что могло бы спасти того, кто съел этот яд.

Встал и Талса. Анариэль подошла к нему. Они смотрели друг на друга, ошарашенные, слабо понимая, что случилось.

— Ты весь зеленый, — вдруг молвила она и слизала с него всё то, что осталось на его морде.

— Ты тоже, — Талса последовал ее примеру.

Они сели друг около друга, и начали смотреть по сторонам, не зная, как быть дальше.

— Что ж... — сказала Сабадель. — Получается, вы уйдете вдвоем.

— Сабадели, сделай что-нибудь, умоляю! — быстро подбежал он к шамани.

— Ничего уже не вернуть.

— Но... Но... Проклятье! Анариэли, почему же?!

Она ничего не говорила и только смотрела на него

— Но зачем же, моя Анариэли?.. Но зачем же... — закрыл он лапой глаза, и качал головой.

Она тихо ответила:

— Я же сказала: мы умрем вместе.

— Там на трех львов? — спросил Талса шамани.

— Именно. Так что... — шамани вздохнула. — Оставляю вас наедине. Получается, такова ваша судьба. Я действительно ничем уже не могу помочь. До свидания.

— До свидания, — эхом повторил Талса. Анариэль ничего не ответила, только прильнула к нему.

И Сабадель как-то очень быстро ушла, как будто исчезла. Стало тихо, очень тихо. Вечерние сверчки уже старались всю перекричать друг друга. Появилась на небе самая первая звезда.

— Слушай, а чего она сказала «до свидания»? Она что, навещать нас будет там? — Талса многозначительно произнес «там» и медленно поднял правую лапу к небу.

— Не знаю... Талса, что мы наделали? — сказала она с нотками испуга, и еще сильнее прижалась к нему. — Мне страшно.

— Это что же ты наделала... — молвил он грустно, вылизывая ее шею. Его тоже глодал страх, но он мерк перед тем беспокойством по поводу поступка Анариэли. «Если бы не я, ничего не было бы...».

— А как ты думал? Я люблю тебя. Если ты идешь, то куда деваться мне? Я за тобой. Что мне оставалось? — вполне серьезно, искренне сказала она.

— Я даже не знаю, что сказать, моя Анариэли. Я ничего не знал, я был слеп...

— Всё ты знал. Ты просто не любишь меня, вот и всё.

— Я люблю тебя, клянусь!

— Тогда зачем решил умереть?

Талса не знал, что ответить.

— Потому что дурак.

— Вот и я влюбилась в дурака.

Талса скупо заплакал, стараясь это скрыть.

— Это всё она... Знаешь, как-то она очень легко всё это... Талса, наверное, это тебя кто-то решил отравить. А она — шамани! Всякое может. Провернула всё так, что ты сам захотел умереть. Вот. Нужно было ее сдать конунгу, чего ж я раньше не подумала, — прорычала она.

— Нет, я не думаю, — ответил Талса, хотя и не слишком уверенно.

— Но неважно. Я уйду с тобой, куда бы ты ни пошел.

Долгий, долгий поцелуй, на который обоим не хватило дыхания... Потом они начали рассматривать мир: небольшую скалу, у которой играли еще львятами; небо; уходящее солнце; друг друга.

— Анариэли, ты лучшая в мире львица. Ты самая лучшая, нет лучше, ты безупречная, ты идеальная, — говорил он, в плавном беспорядке целуя ее щеки и глаза. Она мурлыкала, просто слушая его.

— Талса...

— Да.

— А когда всё произойдет?

— Не знаю. Сабадель сказала, что я просто усну, а во сне умру.

— Тебя на сон клонит?

— Нет.

— Просто я хотела знать, сколько у нас времени.

Анариэль потерлась о его шею, и он прекрасно понял, о чем она. Но когда Талса попробовал встать на лапы, то понял, что у них вряд ли что-то получится. Стоять-то он еще мог, но когда пробовал сделать шаг, то понимал, что попросту разучился

ходить. Зато легкость в движениях была попросту снопоподобная. Когда он посмотрел на скалу, то сначала ему показалось, что она крошечная; но через мгновение она стала огромной. Талса не мог проделать обыденной вещи — сказать, на каком она расстоянии.

— Анариэли, я ходить не могу, — это было первое, что пришло на язык. Ему показалось, что говорит он невероятно долго; а сама речь требовала значительных усилий.

Она тоже ощутила нечто, потому как и сама попробовала встать.

— Да. И всё разбегается.

Талса и Анариэль, не сговариваясь, легли друг около друга набок, глаза к глазам. Он смотрел на нее, и оторваться не мог. Анариэль была настолько потрясающе красивой, что если бы ему предложили лежать так вечно, то согласился бы сие же мгновение. Сие же.

— А ты знаешь, Талса, умирать совсем не страшно, — вдруг молвила она неподдельно радостным тоном.

«Именно!». То же осознал и он.

— Дааа, — протянул он. — Да, да, да. А я вот... понял.

— Я знаю, что ты понял.

— Сабадель таки меня отравила. Это всё она! — торжественно провозгласил Талса, и эти слова почему-то наполнили его беспредельной радостью.

— Она, — так же радостно ответила Анариэль, и потерлась о него всем телом.

— Но нам всё равно, — молвил Талса, ловя эйфорию от ее присутствия и тепла.

— Всё равноооо! — ликующим эхом отозвалась она.

Мысли были кристально чистыми и понятными, полностью самодостаточными и цельными. «Смерть — это потрясающе», — радостно подумал он, проваливаясь куда-то назад и вниз, да еще при этом бешено вращаясь; это захватывало. Он ощутил, неизвестно как, что Анариэли нечто сообщает, и он сразу понял, что именно: она хотела поделиться эйфорией.

Он очутился в некоем темнейшем пространстве; это была сияющая темнота, приятность пребывания в которой не знала границ. Потом он перестал воспринимать что-либо зрительно, словно у него никогда и не было глаз; уже не было даже темноты, а он ощущал себя огромным, как вся вселенная. И это было безумно хорошо.

Потом Талса стал плоским. Быть бесконечно плоским во все стороны оказалось еще лучше, чем быть просто огромным. Как ни странно, он ощущал свое «Я», он даже думал, но совсем по-другому, нежели обычно. Он нисколько не тревожился об Анариэль, потому как знал — она повсюду, она даже часть его самого, а потому ее невозможно потерять.

Зрение, если можно это так назвать, снова вернулось. Теперь он был в некоем белом-белом пространстве, скорее, даже пещере, которая тянулась вперед в бесконечность; стенки были живыми и переливались. «Это, наверное, дорога в другой мир», — подумал он, и тут же начал лететь по этой бесконечной пещере с невообразимой скоростью. Ощущение полета было потрясающим; Талса знал, что когда-то, очень давно, он точно так же летел. Хоть он и не помнил, где и когда, но уверенность в этом была безграничной.

Вдруг Талса ощутил ее, он ощутил Анариэль. Она летела вместе с ним, сбоку, и была ослепительно белой; Талса уже давным-давно позабыл об остальном мире, словно он так летел всю вечность, но прекрасно помнил о ней.

«Анариэли, мы летим!», — сказал он ей, правда, не словами, а словно смыслы слов перетекали от него к ней.

Она ответила чем-то вроде таким:

«Очень-очень рада быть с тобой здесь!».

Вдруг Талса со страшным ревом понесся вверх (хотя до этого не было ни верха, ни низа). Об Анариэль он совершенно не беспокоился, потому как точно знал — она не может никуда пропасть. Он снова оказался в сияющей пустоте, но на этот раз его цельное «Я» попросту развалилось на множество мелких, отдельных частей; но было еще нечто, что замечало этот распад, и тот, кого называли Талсой, понял — в нем есть нечто вечное и неизменное. «Меня теперь очень много. Но всё же я остался самим собой», — безупречно четко подумал он.

Эти мелкие забавные «Я» общались между собой, и Талса поочередно становился то одним, то другим, а то вообще никем не становился.

«Его отравили», — говорило одно.

«Да, его отравили», — соглашалось второе.

«Что теперь будет?», — визгливо спрашивало третье.

«Талса будет навсегда».

И так было очень долго; потом Талса просто провалился в состояние полного безмыслия, и виделись какие-то причудливые пейзажи, узоры, круглые камни и множество других вещей. Талса простейшим усилием мог вращать их, додумывать что-то, а то и придумывать свое.

Потом он услышал шум, который испугал его; ничего из предыдущих опытов не страшило его, но вот этот шум... Он то утихал, то нарастал с новой силой. Перед глазами возникло множество красных, огромных камней; посреди них находилась невообразимо огромная скала. Талса долго и напряженно наблюдал эту картину, пугаясь этого ритмичного шума, пока внезапно не осознал: скала — это небольшой камешек, который мирно покоится на красном песке, песчинки какого-то он принял за большие камни; пугающий шум был звуком его же дыхания. «Я, получается, лежал и смотрел на них».

Талса вернулся.

Лев перевернулся на спину. Ослепительно синее небо с тусклыми звездами, легчайшие облака. В голове абсолютно пусто, будто бы там ветер. Голова кружилась, но как-то даже приятно. В саванне начинался новый день, солнце только-только начинало восходить. Талса спохватился: а где Анариэль? Мысль о том, что она, возможно, не вернулась, повергла его в неопишуемый ужас; тут же всплыли из памяти события прошлого дня. Он резко встал на лапы (движения по-прежнему были легкими и воздушными, но отчего-то стоять на лапах не хотелось; кроме того, появилась странная дрожь по всему телу), и увидел ее совсем рядом, в прыжке.

Талса медленно подошел. Он лизнул ее щеку, и та тут же заулыбалась, обняв его лапами и простонав что-то совершенно неопределенное, но страшно довольное.

— Анариэли?

— Ммммм... Главное — это летать! Главное... — мирно улыбаясь, невероятным голосом говорила она.

Он еще раз поцеловал ее. Наконец, она взглянула на мир, сонно и неопределенно.

— Талса, это ты? — с радостным недоумением спросила Анариэль.

— Да, я.

— Мы, наверное, живы...

Талса счел это предположение разумным, оглянувшись вокруг.

— Я тоже так думаю, — почесал он за ухом.

— Тогда не уходи, мой Талса, будь со мною, мой хороший лев, — мурлыкнула она, а дальше начала легонько кусать его за ухо, будто хотела съесть. Талса чуть с ума не сошел. Он не думал, что такая простая вещь может быть настолько приятной.

Так они и пролежали, не говоря ни слова, лишь наслаждаясь друг другом, очень долго.

— Что же всё-таки случилось? — спросил Талса.

С легчайшей беззаботностью юной львицы Анариэль ответила улыбкой:

— Да какая разница.

Но Талса уже озаботился этим вопросом и ударился в раздумья. «Мы живы. Это прекрасно, и это раз. Мы пережили... дааа... Это два. Значит, или Сабадель дала недостаточно яда (тут Талса подумал о том, что яд ведь был разделен на две части), либо же... никакого яда не было». Талса всё размышлял, и вдруг вздрогнул от неожиданности, ощутив мягкое прикосновение.

Это была Сабадель.

— Доброе утро! — молвила она, и села, склонив голову набок.

— Доброе, — растерянно сказал Талса.

— Сабадель?.. Что это было?.. Мы такое видели, такое! Я летела, мы летели... Полет! — Анариэль показывала лапами, каким безбрежным был этот полет, и продолжала блаженно улыбаться.

Глаза у шамани хитрые-хитрые, и Талса понял — это она, это всё она... Сабадель не отравила его, нет, она сделала с ним нечто совсем другое, нереальное; это было настолько хорошо, что Талса засмеялся.

— Так, что это за шуточки? Что львица дала нам? — он почему-то решил взять строгий тон, что несказанно позабавило шамани.

— Все вопросы потом, потом. А ты что, не рад моим шуткам? — очень внимательный взгляд в глаза, подаренный шамани, заставил Талсу смотреть на красный песочек под его лапами.

— Это лучшая шутка из всех в моей жизни.

— Тогда за мной... Так, осторожно... Анариэли, не бойся, ступай.

— Земля качается. И челюсть дрожит, — пожаловалась она. — Как же идти?

— А мне нравится, забавно так, — сказал Талса, высоко поднимая лапы. Появился глупый страх споткнуться о что-то, и упасть. Сабадель явно веселилась, наблюдая за ними. Он шел увереннее, а у Анариэль дела шли хуже: она ступала медленно и с опаской

— А куда мы идем? — полюбопытствовала она.

— К ручью.

— Но я не хочу пить! — капризным тоном маленькой львицы сказала Анариэль.

— Мы не пить идем.

Они быстро пришли к ручейку, который весело протекал среди густых трав саванны; вода в нем всегда была чистой, даже в сезон дождей, когда он разрастался в небольшую речушку. Впадал он в озеро, которое и было основным водоемом, а вытекал из Восточных скал; и, по преданию, когда ручеек перестанет из нее течь, то придется прайду Хартланд, который ранее, очень давно, назывался прайдом Мелаи, покинуть эти плодородные земли. Имя «Хартланд» ему дал первый покоренным им прайд Юнити, на древнем языке. Прайд Мелаи всячески искоренял древний язык, но, как ни удивительно, название на нем стало основным. Мало кто помнил прежнее имя прайда, а тем более никто не употреблял. Значительно позже владение древним языком начало считаться признаком благородства и ума.

Ручеек в последние дни стал мельче — выдались засушливые дни. Сабадель пошла вверх по течению; вскоре она достигла цели — маленького озера со спокойной водной гладью. Это — островок спокойствия, прямо посреди быстрого потока.

Во время их путешествия Анариэль явно пребывала в возвышенном состоянии духа: она напевала всякие детские песенки и охотничьи песни; рассказывала Сабадель и Талсе о полете «в том сияющем мире», как она выразилась; молвила загадочную фразу: «Так хорошо быть никем, тогда чувствуешь себя очень полной»; призналась раз пять Талсе в любви, и ей ответили взаимностью.

— Итак. Как вы себя чувствуете? — тоном наставницы спросила Сабадель, остановившись.

Талса искренне ответил:

— Прекрасно.

— Я радуюсь тому, что жива, а остальное... А остальное такие ничемные пустяки, что даже подуумать смешно, — молвила Анариэль и начала лакать воду, вопреки утверждениям, что пить не хочет. Сабадель незаметно, украдкой подошла к Талсе.

— Ты как? — тихо спросила она, шепотом.

— Хорошо. Пожалуйста, будут какие-либо объяснения? — так же тихо сказал Талса.

— Потом, это потом... Я вижу, ты вполне отошел, а она еще не очень. Челюсть дрожит? Лапы? — Сабадель пристально смотрела ему глаза, и трогала за щеку, за гриву, за лапу.

— Лапы нет, а челюсть есть немного. Будто озноб пробирает.

— Хорошо.

— Ради предков, Сабадель — что это было? Это не яд?

— Конечно нет, мой Талса. Сабадель, которая так любит хорошего Талсу, скорее отравится сама.

— Да, я...

— Все разговоры об этом потом, — она прикрыла ему рот лапой и осторожно оглянулась. Анариэль уже не пила, но была всю поглощена интереснейшим делом — разглядыванием собственного отражения на воде.

— Сабадель! На это стоит взглянуть! — вдруг радостно молвила Анариэль, не отрываясь от своего отражения. Жестом Сабадель заставила Талсу прилечь, хотя тот и рвался подойти к своей львице, и подошла сама.

— И что же там?

Анариэль трогала лапой водную гладь, наблюдая расходившиеся волны и кружки.

— Вот. Это я, — указала она на свое отражение. — Вот если я буду беспокойной, со множеством глупых мыслей, — она начала тревожить воду лапой; ее отражение, отражение Сабадель и неба расплылось, — то разве я смогу что-либо понимать? Сабадель понимает меня? — Анариэль неистово искала взгляда шамани, потому как не могла вполне выразить того, что хотела сказать.

— Еще как понимаю, моя Анариэли. Я тебя попрошу кое-что, можно?

— Конечно!

— Сиди тихонько и закрой глаза.

Анариэль согласно кивнула. Шамани смочила лапы, и приложила их к ее ушам. Львица вздрогнула от неожиданности. Потом Сабадель повторила то же самое, только теперь уже это было за ушами. Потом шея, потом щеки. Так длилось довольно долго.

Вдруг Анариэль нечто вспомнила. Она без разрешения открыла глаза, и бросилась на грудь шамани:

— Пусть Сабадель меня простит за вчерашнее поведение! Я знаю, что она нас не отравила, она помогла нам... Я не могла знать, что всё так будет!

— Ну что ты, перестань. Всё хорошо. Идите, — лизнула ее щеку шамани.

Так они и шли вместе, Талса и Анариэль, настолько близко, насколько это вообще возможно. Сначала им повстречался один из яскарлов — это молодые львы шли упражняться в борьбе. Все сдержанно поздоровались с Талсой; их провожали удивленными взглядами. Потом их встретила небольшая компания старших львиц, среди которых была мать Анариэль; она злилась и беспокоилась из-за внезапной пропажи дочери.

— Где это ты бродишь? Я уже братьев на поиски посылала! — стараясь звучать поостроже, спросила она. Хотя все, обменявшись многозначительными взглядами, поняли, где и зачем.

— Мама, я гуляла с Талсой, — очень просто ответила Анариэль и прикорнула к нему.

Мама была обескуражена и растерянно спросила:

— Всю ночь?

— Дааа. Всю ночь. Мы гуляли, — Талса лапой описал широкий, от души, полукруг, — много-много, пока вконец не устали и не свалились с лап.

Кто-то вздохнул от чернейшей зависти.

«Нахал!», — с удовольствием подумала мать. Кто из львиц не мечтает о таком!

Последующее молчание было неловким для львиц — ни мама, ни они не знали, что сказать; но Талсе и Анариэли было всё равно, они уже жили в своем невозмутимом мире, где нет места никаким глупостям. Талса пожелал им удачной охоты (хотя те и не собирались на охоту), и они разошлись.

— Я хочу кушать. Нет. Я хочу есть. Точнее, жрать. Я не ел два дня, — молвил Талса, ощутив нешуточный голод.

— Поймаю для тебя что угодно, мой Талса.

— Не надо, Анариэли, не надо, хорошая...

Вечером, после обеда и сна, они пришли в пещеру конунга. Не потому, что у них была некая особая цель, нет; просто теперь они и не думали разлучаться, если в этом не было нужды. Талса пошел к родителям, и за ним пошла Анариэль.

Шилана сидела, степенно думая о своем, как вдруг зашла эта пара.

— Мама, привет.

— Здравствуй, о Шилана! — уклонилась перед львицей конунга Анариэль. Они сели рядом с нею. С Шиланой произошло то же, что и с мамой Анариэль — она растерялась от такой непосредственности.

— Эммм... — хотела как-то начать Шилана, с неким подозрением рассматривая счастливую Анариэль. Нет, она не прикорнула в Талсе в этот раз (не стоит забывать о приличиях), но ее взгляды и жесты говорили сами за себя. Талса и Анариэль сидели в мельчайшем промежутке между собой, их хвосты сплелись, а лапы были рядом.

— Мам, ты извини, что я пропадал все эти дни. И вообще, что я себя странно вел. Мне нужно было утрясти кой-какие дела. Мам, это Анариэль. Ты ее, конечно же, знаешь. И она будет... — тут Талса хотел сказать «моей львицей», но передумал. Он хотел, чтобы это было действительно веско: — ...будет со мной до конца наших дней.

Шилана только спросила:

— Талса, ты уверен?

— Мама...

Они посмотрели друг на друга.

— Мы любим друг друга больше, чем жизнь, — сказали они в унисон. Талса и Анариэль не договаривались ранее. Так просто было.

— Я уверен в этом даже больше, чем в том, что живу, — добавил Талса, и лизнул щеку Анариэль. Она не осталась в долгу.

И материнское сердце, которое знает, где ложь, а где безупречная истина, сразу поверило, что это именно так, и никак иначе. Тихая радость наполнила душу Шиланы.

А как же Сабадель? Сначала она позвала на помощь нескольких львят, и они с радостью помогли достать из колючего плена дорогой для нее панцирь. Потом она уединилась в своей пещере, раздумывая о том, что случилось; правда, много надумать она не успела, ведь к ней пришла Амина, которая очень неудачно выбила зуб на охоте. Сабадель помогла ей унять боль и отпустила. Потом снова углубилась в раздумья, но получалось лишь: «Вот как оно всё вышло...».

А на следующий день к шамани пришли Талса и Анариэль, и попросили всё рассказать. Сабадель не стала утаивать.

Когда Талса обратился со своей страшной просьбой, то она сначала хотела убедить его, считая, что это не будет трудным. Шамани понимала всю глупость и сиюминутность порыва молодого льва. Но когда тот развернулся, начал уходить, то Сабадель поняла: Талса, дурак, таки исполнит задуманное. Нужно было на что-то решаться. Мгновенно возникла идея, словно из ниоткуда; Сабадель не бросила Талсу.

Она, пообещав ему помочь, с раннего утра начала делать то, о чем шамани не говорят, но знают — наралэ, она же смесь желтеньких семян воканги, вымоченных в воде, мелко-мелко пережеванной коры ибogi и сока сладкого тростника, чтобы перебить гадкий горький вкус семян. Ибogi и вокангу Сабадель запасала каждый сезон, поскольку они быстро приходили в негодность, хотя она не делала и не принимала наралэ уже года четыре, а семена и кора этих низких деревьев ни на что больше не годились, и росли в трудных местах во влажном лесу. Но так уж повелось: у всех шамани в закромах должно быть то, что может хорошо потряхнуть сознание, сбить его с места, дать немного огня. Вот оно неожиданно пригодились; Сабадель оно было ни к чему, потому как она больше не искала сути этого мира.

Но вот для Талсы пригодились.

— ...Я делала наралэ целый день. Очень боялась, что семена уже испортились, и ничего не выйдет. Вообще же, был момент, когда подумала, что идея совсем плоха.

— Это когда я прибежала? — спросила Анариэль.

— Нет, нет. Наоборот, тогда я поняла — это то, что надо. Вам, наверное, было очень интересно вместе...

Они согласно закивали.

— Вот видите. Я хотела, чтобы Талса прочувствовал глупость поступка, и то, что мир, сделанный им самим, призрачен и нереален, как и любой мир... Я подумала это, когда встретила Талсу у водопоя. Старалась быть безжалостной, но не получалось; в какой-то момент даже глаза пришлось отводить: они могли меня выдать. Меня глодали мысли, что всё может быть только хуже...

Сабадель рассказывала и рассказывала. Анариэль засыпала ее вопросами о том, где она летала, что это за мир, как так случилось, и прочее, и прочее, и прочее.

Закончив рассказ, шамани встала.

— Только тссс, никому ни слова. Всё-всё между нами. Хорошо?

— Да, — вместе ответили они, и укусили себя за правые лапы в знак молчания.

И шамани пошла к Восточным скалам. Она, сама того не ведая, пришла к тому же обрыву, где вчера был Талса, преисполненный мыслями о смерти, и смотрела на закат.

Ведь шамани знают, что сумерки — это время силы.

«Я намеревалась ему помочь, чисто и искренне. Получилось, да как же получилось...». Она всегда думала, что у нее слабое намерение и плохая воля.

Но всё оказалось не так.

— Намерение. Намерение... — закрыв глаза, молвила шамани Сабадель, которая однажды жила в прайде Хартланд.

2009 г.

mso